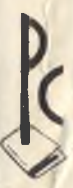

Микола М. Корун

Рорай

Микола М. Корун: Рорай

Приповідки за дзеци «Крочаї» од Миколи М. Кочиша — творя по нешка першу и єдину збирку оригінальних приповідкох за дзеци IV—VIII класи основней школи на нашей бешеди. З оглядом на рижнородни и интересантни їх зміст, на авторово познане и розумене дзецинской психи, на живи обробок и прикладну фурму, — тоти приповідки заслужую полну увагу наших младих читательох котри ше уча, а буду прикладне читане и за старших котри любя дзеци и — свою кніжку.

Гавриїл Надь, проф.

Спрам богатства мотивох, цеплих и лиричних описованьох дзецинских дожицох, вирносци, животного самодовирия и глібокого познання дзецинской души, котри з вельку любову дал писатель Микола М. Кочиш у своїх приповідкох за дзеци «Крочаї», наздавац ше треба же вони буду домашне читане не лем за наймладших, але и за старших по наших обисцох, бо у тих приповідкох кажде з нас найдзе єдну часц себе, свойого живота и своей прешлосци — найкрасше и найщешлївше — свойого дзецинства.

Дюра Сопка, наст.

Приповідки, вам, дзеци, уж познатого писателя Миколи Кочиша, зохабя на вас глібоки, тирваци и мощни упечаток. Вони вас у думкох пренешу до блїзкей, чежкей, страшной, але славней прешлосци наших народох. През нїз упознаце дзецинство ваших одох и мацєрох, добрих и вредних школярох, а вельораз у нїх найдзеце и самих себе. Писатель писал о вас и тоти приповідки найбаржей вам написал. Старал ше же би вам дал красну и поучну лектуру и приемне ошвижене при упознаваню нашей литератури.

Янко Рац, наст.

Musora M. Koruu

Rporai

Микола М. Кочиш:
КРОЧАІ

МИКОЛА М. КОЧИШ

К Р О Ч А І

ПРИПОВЕДКИ ЗА ДЗЕЦИ

„РУСКЕ СЛОВО“ РУСКИ КЕРЕСТУР 1963

Микола М. Кочиш

МЛАДОМУ ЧИТАТЕЛЬОВИ

У руках ци перша кніжка приповедкох за дзеци „Крочаї“ од Миколи М. Кочиша у котрих ше приповеда о тебе и твоїх товаришох з Руского Керестура, Коцура, Дюрдьова, Нового Орахова, Нового Саду и зос Сриму и Славонїї. Читаючи тоту кніжку найдзеш у ней рижнородни дожица, весели и смутни, котри дожил ти або твоею товарише у доме, у школи або на улїци. Пречиташ и приповедки котри це пренешу до часох котри ти не паметаш, а паметаю их добре твоею старши. През тоти приповедки писатель приповеда о тим же як було дакеди чежко жиц, а требало буц добри чловек и любиц свой народ и свою шлвбоду.

И док почнеш читац першу приповедку, легко збачиш же писатель Микола М. Кочиш приповеда живо и легко. Прешвечени сом глібоко до того же не завреш кніжку док не пречиташ и остатню приповедку, бо ше у каждой новей шлїдующей приповедки зяваю нови и нови, весели и смутни подоби дзецех, а їх дожица порушаю и тебе на роздумованє же цо добре и красне у живоце коло тебе и у твоїм веселим дзєцинстве.

Кед же уж пречиташ шицки приповедки и же ши у тей кніжки не пренашол себе, будз прешвечени же це писатель не нароком вихабел. Можебуц ище не обачел яки ти бриги и почежкосци маш, або як ше радуеш кед зробиш дацо вельке и добре. И кед же з тих приповедкох научиш же найвекше щєсце жадац и робиц добре себе и другим, то будзе найвекша награда и тебе и писательови чийо приповедки починаш читац.

ДНІ ЧЕЖКИ И СЛАВНИ

7.18.3 caly

ПЕРША МИКОЛОВА ЗАДАЧА

Безбрижне жил дзешецрочни хлапец Микола у своім малім валале на крайних бржкох Фрушкой Гори. Але одного дня над його валалом загурчали крилатици, котри лещели бомбардовац Београд. Габа застараносци и страху зявела ше на тварох старших, та ше и Микола пременел. Война! Вон знал цо то война и скорей, лем вон знал за їх дзединску войну. Нераз ше бавел з товаришами на войни. Бегаю по гумне, поза слами, споза шопи и кармика штреляю еден на другого з палїцами, метлами, або з кукуричанку. „Потрафени“ пада, руца багинди и виводзи тристо чуда лем да розошмее до слизох своїх товаришох. И кед ше так „навоюю“, шедню себе та приповедаю, або виженю крави на пашу, та там предлужую бависко. Тота їх война розвешельовала, а гевта права засмуцуе; їх война наганяла на шмих, а тота на страх и плач.

Праву войну Микола зрозумел аж одного ешеньского рана кед видзел же мац ходзи по хижи застаранша як скорей и же едно гутори, а друге роби. Збачел ише тото рано же оца нет дома. Кед ше мацери питал дзе оец, вона, як ше йому видзело, нагнївано одрубала:

— Та, охаб ме!

Вецей ше ей за три днї не питал ніч о оцови. Штвартого дня прибегнул зос пажници, дзе чувал краву, як през души.

— Мамо, хто то партизане?

— Дзе ши чул за партизанох? — злєкнуто ше питала мац.

— Од усташох. Дас коло сто усташе ишли по калдерми, та двоме пришли гу мне и питали ми ше дзе партизане.

— Та цо ши им гуторел?

— Же не знам.

— А вони?

— Єден гварел: „Зна вон, пес!“ и сцел ме пляснуч, але го други влапел за руку та гварел: „Охаб дзецко, можебуц справди не зна ніч“.

— А кадзи пошли? — питала ше мац. Була барз знемирена, але Микола то не обачовал. И сам бул заняти з думами як могол достац пляску.

— Рушели ше преїг дильовох до винїцох, а чул сом же бешедую цошка и о лесу. Сигурно думали на тоти леси поза нашо винїци.

Мац на час як да зблядла, а вец гварела:

— Идз, прижень краву!

Микола ше уж рушел, а вец ше здогаднул:

— Чул сом ище кед гварели: „Легко их ми позабывае. Їх ест лем гарсточка“. Праве так гуторели — „гарсточка“.

— Идз, идз! — скричала мац на ньго.

Але лем цо вжал батог и лем цо добегнул по капурку, чул за собу мацеров глас:

— Миколо!

Вон вошел до хижи и скоро ше злекнул. Тераз аж видзел же мац бляда як ренда.

— Миколо, — гварела вона чежко дихаюци — знаш дзе наша винїца?

— Як бим не знал.

— А знаш дзе Катринова?

— Знам, на право од нашей. Наша на єдним брещку, а їх на другим. Бул сом там з Владом Катриновим.

— А бул ши далей на право, на трецим брещку?

— Там дзе под брегом студня, а на брегу колїба?

— Гей, там.

— Не, там сом не бул. Владов оец нас страшел же там у студні ест железна баба, та зме там не ишли.

— Нет там ніяка железна баба. Спреведаль вас лем прето же ше бал же спаднеце до студні.

Мац кус уцїхла, а вец ше питала:

— Шмел би ши тераз там пойсц?

— Тераз? Га уж такой ноц...

— Шмеш?

— Га, цо я знам...

— Идз, идз, Миколо, не бой ше. Ніхто ци не зроби ніч... Ти дзецко... Ніхто це анї не увидзи. Ти будзеш мерковац да це не видаз. Пойдзеш?

Мац не розказовала, вона модлела. Микола видзел же вона модлі і по гласу и по очох. Тераз наслуцовал же треба да ше случи дацо барз важне, кед го вона модлі, та рiшено гуторел:

— Пойдзем! Цо треба там да зробим?

— Треба да меркуеш же би це ніхто не видзел кед видзеш з валалу — то перше. Кед стретнеш дакого у драже, крий ше, а кед ши не годзен, вец поведз же ци ше овца страцела. Розумел ши?

— Розумел!

— Не пойдзеш до нашей виніци, але ше такой од валалу рушиш на право гу Катриновой виніци. Вец од ней пойдзеш гу студні хтору познаш. У коліби при студні найдзеш дакого. Повеш хто ши и виприповедаш му о усташох, шицко цо ши видзел; кельо их ест и кадзи пошли. Розумел ши?

— Розумел!

— Але нікому другому ніч не гутор.

— Добре. Идзем перше пригнац краву.

— Не, я приженем краву. Ти лем идз цо скорей. Уж ше змерка. Док пойдзеш по конац валала, будзе уж цма.

Микола ше рушел. Бул обняти з тоту тайнствену задачу, котру ишол вивершиц. И чувствовал ше якошик окремно, некаждодньово. Ни-а, идзе вон по драже, стрета людзох, але людзе ніч не знаю о тайни котру вон неше у себе. Кус скорей мал достац пляску од усташского офицера, а тераз уж идзе як важна особа вивершиц задаток.

Уж була цма ноц кед бул у Катриновой виніци. Виніци були дас штири километри од валалу, а недалеко за виніцами починали леси котри ше пресцераю аж по Саву и Босут.

Микола у драже стретнул даскельо кочи, але ше склонел до кукурицох же би го ніхто не видзел. Кед сцигол до виніцох, ишол шлебоднейше. Виніци уж з векшей часци були пооберани та ше мало хто затримовал у ніх.

Прешол през Катринову виніцу и шлебодно ше спущовал з брега. Думал на то кого найдзе у коліби на другим

брегу и цо и як пове там. Було цма и не видзел далей як на дзешец метери. Знал же такой док ше спуци до доліни наидзе на студню, а вец на брегу уж недалеко и коліба до котрей мал пойсц.

Нараз, споза едней черешні, вишол человек и станул опрез нього.

— Дзе же ти, хлапче, идзеш? — прегварела з глібоким гласом тота ноцна приказа.

Миколови ше прервало дихане ягод да го дахто вдерел по першох. А вец шерцо почало мощно дуркац. У цмоти не видзел хто стої пред нїм, лем видзел чарну силуету човека у калапе. Сцел прегвариц, але му ше гарло заткало. У кліпнуцу ше здогаднул мацери: „Нікому не гутор!“ Силуета крочела напредок, а Микола ше руцел на бок и почал сцекац помедзи чокоти. Валял ше долу з брега, дзвигал ше, бил ше до колікох и заплетал ше до лози, знова ставал и сцекал. У глави му гурчало и ягод да тисячи гласи кричали за нїм: „Дзе идзеш?!... Дзе идзеш?!... А вон сцекал од тих гласох и од того страшного чарного чловечого циню.

Застановел ше на малей пажици у доліни, далеко од Катриновой виніци. Застановел ше прето же ше нараз на пажици чувствовал незаклонети, одкрити и випатрало му же треба дахто лем да нацагне руку, та да го влапи. Скорчел за едно древо и притаел ше. Доокола не було чуц нікого. Вон ше притулел гу древу и чекал. Мертва цихосц; лем еден цверчок шпива у трави.

Престал так притаєни коло ферталь години и не чул ніч цо би го знемирело. За тот час му ше врацела и шмелосц, та порозпатрал доокола же би утвердзел дзе ше находити.

Спрам ясного мощного неба видзел же ше з ліва и з права дзвигаю брещки, а вон ше находзел у узкей доліни. Пораховал кадзи бежал и утвердзел же треба кус да ше враци, та наидзе на студню, а вец на брещку наидзе и колібу. Почекал ище кус, а вец ше рушел. Тераз крачал помалши и обиходзел древа же би го заш дахто не несподзивал.

Неодлуга спрам неба збачел дерму. Тераз уж знал точно дзе е и чувство же е блізко при цилю уляло му нову шмелосц. Мал висц лем на брег, та будзе такой при коліби.

Цали тот край дзе ше находзели валалски виніци бул лем габасти, та брещки були нізкі и не було чежко на ніх висц.

Кед пришол пред колібу на верх брещка, збачел же у ней гори слабе шветло. Коліба була на малей, випатра, справеней ровніни, а за ню ше кус прикрейше спуцовал брег засадзени з виніцу.

Микола перше сцixa, а вец моцнейше задуркал на дзвери. Чул нука шущане паперу, а вец ше дзвери отворели. Вон ше таргнул, бо пред нім стала силуета человека з Катриновой виніци, ошвицена зос слабу шветлосцу швички.

— О, витай, хлапче! Ми ше уж раз, думам, стретли — гварел благим гласом старши человек. — Войдз нука.

Нешмелим крочайом Микола прекрочел прег, а ровно патрел на человека.

— Ми ше уж раз стретли — гварел знова человек кед видзел же Микола цихо. — Кус скорей сом стретнул едного хлапца у виніци...

— А то ви були! Я ше барз злекол од вас.

— Е, ноц страшна. Вше думаш же це дахто сцишне за гагор, агей?

— Якошик сом ше не бал док сом вас не стретнул. Аж теди сом ше престашил...

— Цо же гледаш так нескоро у виніцох? Дзе идзеш?

Микола ше зошицким змирел, бо на шветлосци швички видзел звичайного старшого человека яких стрета и по валале. Тот человек му на твар бул познати, лем не знал точно дзе го уж видзел; чи у валале, чи ту у виніцох дакеди.

Човеково питане го здогадло на задачу котру мал вивершиц, та ше питал:

— Ви биваце у тей коліби?

— Ище тераз гей док не пооберам виніцу.

— Вец я вас гледам.

— Мне? — зачудовал ше человек. — А прецо?

Микола почал приповедац цо ше му случело пред вечаром кед чувал краву и цо му после того мац гуторела. Человек осторожно слухал и поставял му питаня же би цо яснейшу слику мал о шицким. Окреме го барз цикавело число усташох и їх оружие. Микола му давал одвити з прибіжну точносцу и видзел же человек барз задовольни.

Кед Микола докончел приповеданє, чловек ше ошмихнул задовольно и положел му руку на плєцо.

— Гвариш же ши Митра Шандорового син. Микола... Миколка. Юнак ти, Миколо, юнак ши!

Микола ганьблїво спушел главу.

— Останеш при мне ноцовац? На рано вец пойдзеш дому.

— Не, мушим пойсц тераз же би ше мац не старала дзе сом.

— Е, так и треба, так и треба. Мушиш слухац мацер и заменьовац оца у роботі.

— А дзе мой оецц? — нараз ше питал Микола.

— Оецц? То я не знам, але знам же ше будзе радовац кед учуе якого сина ма. Но, вец, Миколко рушайме ше. Кус це запровадим. Одвед бим це аж по валал, але и я мам ище кус роботи.

Микола вишол пред колїбу, а чловек загашел швичку и положел ю до кишенки. Завар дзвери и рушели ше вєдно.

Не прешли анї сто крочаї кед ноцну цихосц претаргнул дубонь велїх крочайох.

Чловек влапел Миколу за руку и пошептал:

— Стой.

Поцагнул го назад гу колїбу, але ше Микола пошпоцел на лозу и спаднул. Чловек го вжал швидко на руки и понагляючи ше пуцел ше гу колїби. Вец ягод да ше предумал, рушел ше на бок, долу з брега, по процивним боку од студні. Застановел ше у едней пукленїни. То бул ярк през котри ше злївала вода з брега кед диждж падал. Тераз ярк бул оброснути з коровчом и корчами.

Легли обидвоме до ярку. Колїба була дас на триецц крочаї од нїх на брегу. Крочаї ше чули вше яснейше з гевтого боку брега.

— То тоти усташе цо ши их видзел пред вечаром — гварел шептаючи чловек Миколови. — Мали уж тамаль коло вашей винїци препатриц, та тераз иду гу лесом. Чуеш крочаї?

— Чуем — гварел Микола шептаючи.

— Иду тадзи. Будз цихо. Кед нас найду, забию нас.

Миколу випатра тото надпомнуце барз прєстрашело, бо ше притулєл гу жеми и престал диहाц.

— Не бой ше, Миколо. Дихай шлєбодно. Не найду нас. Лем тераз нїч не бешедуй.

О крадки час чул ше зошицким крашне дубонь кро-
чайох и Миколови ше видзело же крачаю над саму його
главу.

Чловек тераз клечал и розпатрел ярез коровче.

— Дас дзешецеме при коліби — пошептал вон Мико-
лови.

Неодлуга Микола чул гласи од горе.

— Празна є.

Други глас гуторел:

— Ту преноцуеме. Згодне место; ту такой студня, та
людзе буду мац води.

Перши глас командовал:

— Перше одзелене най препатри около коліби, друге
одзелене будзе на стражи.

Миколови залупкало шерцо. Тераз их найду! Чул як
ше усташе розходза по виніци. Дзешка праснул преламани
колік, черкла пушка.

Чловек легнул коло нього и влапел го за руку. При-
ложел му уста коло самого уха и пошептал:

— Цма, не найду нас, не бой ше.

Тераз належаци не видзели ніч. Понад коровче през
ровни ярк було видно горе фалаток з гвиздами осипаного
неба и колібу. О мали час чули крочаї двох усташох хтори
ше од коліби спуцовали коло ярку гу нім. Груди ше коту-
ляли спод їх ногох и становяли ше у трави коло Миколи.
Миколови кажди їх крочай випатрал як страшни дубонь.

Уж були при ніх. Нараз як да загирмело над Миколом.
То бул глас єдного усташа.

— Найдзеш чорта! Може це за очи влапиц, та го не
увидзиш.

Други глас му гуторел:

— Слухай, прейдз ти на други бок ярку. Могол ше
дахто скриц за тим коровчом.

Перши ше застановел як да ше дачого здогаднул.

— Найлепше будзе штреліц даскельораз од горе уз-
длуж през того коровче и през ярк, та готове препатране.
Ані птица не остане жива кед лем трираз штреліш.

— Є, то ци не подла дума.

— Агей? Поме!

Крочаї ше почали врацац на брег. Микола чул дихане людзох над собу. Таргнул ше кед чул шептанє.

— Притуль ше баржей гу жеми. Не потрафя нас.

Уж бул притулени и баржей ше не могол. Анї ше не шмел рушиц, бо ше бал же усташе учую.

Преходзели минути чежкого вичекованя. Микола напнуто обчековал кеди пушка штрелї, бо крочаї було чуц уж при верху брега.

Крочаї ше застановели. Тераз штреля!

Место обчекованей штрельби Микола чул треци глас:

— Уж сце препатрели?

— Сцеме штрелїц даскельораз през тото коровче, та зме ше врацели.

— Прецо штреляц?

— Ша кед ест дахто скрити, да го пошлеме на гевтот швет.

Треци глас випатра нагнївано гуторел:

— Водник розказал же ше през нужди не шме штреляц. Идзце так препатриц.

Але випатра же ше тим двом не ишло до цмоти, бо еден з нїх гуторел:

— Так зме уж препатрели, але ми сцели буц сигурнейши.

— Но, вец идзце помогнуц кухарови да порихта вечеру. Будзече мац прилику штреляц наютре у леше. Там ше бандити покрили, а не ту у коровчу.

Чловек ше нагнул над Миколу же му цошка пошепта, але му нїч не пошептал. Преруцел му руку преїг плечох и з пальцами прегартал Миколово власи.

Лежали так ище даскельо минути. Войско ше врацело з винїци и шицки були тераз на гевтим боку брега при студнї. Чуц було як соха шкрипи и як ламу конари. Сигурно ше умивали и розкладали огонь.

Кед ше з того боку брега не чул вецей анї еден глас, Микола и тот чковек, котрому вон ище не знал мено, почали ше по ярку спущовац долу з брега. Цагали ше задком на бруху и з часу на час ставали же би ослухли. Так ше спущели до долїни. Колїба тераз була далеко од нїх и вони не чули вецей цо ше там з другого боку роби.

Кед станул при єдному древу, человек прицагнул Миколу гу себе:

— Миколо, пережили зме тото. Прежиєме можебуц ище чежши часи, але док зніщиме тих скотох, будземе жиц у мире.

Микола ніч не гуторел. Чувствовав приємну цеплоту у дотику з тим человеком, з котрим прежил тоти чежки минути.

О мали час, анї сам не зна прецо, питал ше:

— Як вам мено?

— Мнє? Волай ме за тераз Винїцар, бачи Винїцар. Най-лепше би було да ніч нікому не приповедаш анї о мне, анї о тим шицким цо зме тераз пережили. Не приповедай анї мацери. Вона ше злекне, вона (сцел повесц — мац, але ше предумал), вона жена, та ше злекне. Ми хлопи, я и ти, ше, агей, не боїме!

— А ви партизан? — питал ше Микола.

— И ти, Миколко, тераз партизан! — нашмеял ше бачи Винїцар.

— И я? Як то?

— Так, помогол ши партизаном, вельо ши помогол. Ми чули же ше рушели усташе „очисциц“ нас, як вони гваря, але зме не знали дзе ше находза и з яку силу иду. Ти нам то явел. И мне ши помогол — виратовал ши ми живот. Да ме пашли у колїби, забили би ме, бо ме давно гледаю. Я ци, Миколо, за то дзекуєм! Ти нам поможеш и другираз, агей?

— Поможем, лем ми поведзце цо мам робиц.

— Кед до валалу приду усташе, або Немци, ти нам, кед ши годзен, явиш. Придзеш ту. Мнє за тераз вше з вєчара ту найдзеш. Старай ше запаметац кельо їх войска ест и яке оружє маю, а кед ши годзен дознац, и кадзи пойду з валалу. Нам то треба знац, бо ше вєц знаме бранїц и нападац. Але о тим шицким нікому ніч не приповедац.

— Добре. Зробим цо сом годзен.

Микола видзел же ше бачикови понагля, та му гуторел:

— Провадзиц ме не мушице. Будзем знац сам пойсц дому.

Бачи го погласкал по глави.

— Добре, Миколо. Понагляй вец дому же би ше мац не старала дзе ши. Знам же це обчекуе на капурки.

Дал му руку и, кед му Микола положел свою на широку длань, вон сциснул тоту молу, геройску руку. Ліву положел Миколови на плецо, нагнул ше и пошептал му:

— Поздравим ци оца.

Микола ше таргнул на тоти слова и сцел ше дошка питац, але бачи винїцар уж швидким крочайом крачал гу лесом. Микола роздумал кус и вец ше задовольни рушел дому. Мило му було же виратовал живот бачикови Винїцарови, а ище му милше було же помогол и своему оцови.

БАЧИ ЯНКО И МОЙ ОЦЕЦ

Нічому сом ше не чудовал так як приятельству мойого оца и бачика Янка. Хто год би их видзел каждого окреме, не подумал би же вони можу буц пайташе, а ище меней блізки приятели яки були. Оцец бул високи, моцни и гласни. Вше ше рушал, вше бешедуюци лярмал, нігда не мировал. Янко Лиси бул кус младши од оца, худи и цихи. Вше ме здогадавал, не знам прецо, на нашу стару шопу котра ше нешка-ютре звалі. Дакус храмал и бул таки ягод да нет живота у нім. Ніч го не несподзивало и, випатрало ми, ніч го не интересовало. Бул бистри и мудри, то сом чул од оца, а и сам сом то дзекеди обачел, але озда прето же бул таки мирни и поцагнути, вше бул сам, од шицких забути. Од шицких, лем од мойого оца не. Мой оцец през нього не попил вино, не повд колач на швето. Од шицких людзох у валале вон найбаржей почитовал Янка Лисого. Длуго ме корцело прецо то так и заключел сом же мушели дацо вельке ведно дожиц, бо каждодньово події не збліжую так моцно таких двох хлопих.

Кед сом ше раз питал оцови, вон ше ошмихнул, а вед задумано гуторел:

— Ех, Янко! Ніхто не зна яке вельке шерцо ноши Янко у першох!

Не розумел сом го, але сом ше мушел задоволиц з тим, бо ше оцец обрацел и пошол по работи. Аж познейше сом дознавал кус вецей о тим шицким.

Едного жимского вечара оцец и я були сами дома. Оцец шедзел при пецу, а я лежал на посцелки. У цмоти ше жирячка оцовой цигаретли раз розгорйовала, раз гашела.

Длуго так оец шедзел и курел, а я, не навикнути видзиц го як мирно шедзи, провадзел жирячку цигара. Вец оец несподзівано прегварел:

— Питал ши ше ми раз чом так любим Янка, бачика Янка Лисого. Любим го, то правда, а не годзен сом ци потолковац прецо го так любим. Ти видзиш, а и други то видза же Янко, кед го попатриш, исти як тота наша стара олулена и стораз платана лада. З вонка нічомна, а да закукнеш до ней, можебуц биш нашол злато, шветле блїщаце злато. Але кому и пада на розум у тей нічомноци гледац драгоциноск? А очи, видзиш, спреведаю. Янково шерцо сухе злато. Не знам чи ци потолкуем як сом до того дошол, а жадал бим. Ти млади и жадал бим да ше не даш очом спреведнуц. Виприповедам ци, ни-а, тото же би ци було яснейше.

Новембра 1944 року водзели зме борбу у бараньских лесох. Немци уж сцекали з нашей жеми, але жвир найопаснейша кед видзи же ей блїзко конац. У Барані ше розвила така борба же то велі и нешка споминаю. Немци ше ту заустановели и давали силни одпор. Наша бригада ше успішне борела процив ніх, але не було легко.

Єдного дня наша чета ше рушела напредок. Немци ше вноци подагли под прициском єдней нашей єдинки, але ше рано знова врацели напредуюци. Наша бригада ше рушела застановиц их.

Я бул якошик на боку. Вибил сом на єдну пажичку у леше и, уж кед сом бул на чисцини, таргнул сом ше и станул. Товарише, розвити до стрелкох на право одомне, заостали и я бул сам. Неприємне чувство ше звекшало кед сом з краю леса преїг пажички чул подозриве шушоцене. Праве сом ше рушел заклонїц ше за древо и дочекац товаришох кед отамаль вискочели двоє Шваби зос шмайсерами. Дзвигнул сом пушку и през цильованя поцагнул цвенчок. Але — пушка затаєла. Можеш думац як ми було. У тим Шваби дзвигли свойо шмайсери гу твари. Стал сом як скаменети. Не мал сом сили руциц ше на жем або за древо. Не було ані кеди. То хвильки котри випатраю длуги як вичноск. Два чарни циви упарти на мене, котри не могу не потрафиц. Штреляне ме заглушело и я чувствовал горуце железо як ми варта месо. Але — не спаднул сом. На мойо

найвекше запрепасцене спадли обидвоме Шваби. Шмайсери им ловгли и ягод да их сцагли на жем. Кліпнул сом даскельораз и пробовал крочиц. Не було ми ніч — бул сом живи и здрави. Попатрел сом заш на Швабох. Лежали преїг своїх шмайсерох на сухим лісцу на рубу леса. А вец — з лівого боку зоз леса вишол Янко. Ошмихнул ше так як кед ше вше ошмихує кед ше з даским стретне, лем з гамбами, и як да зме ше по фриштику стретли ту на драже, поздравкал:

— Добре рано, сушед.

Ніяке возбуждене, ніяка збунетосц або гордосц. Лем ошмих. Облапел сом го и — так нас нашли товарише з моєй чети. Утар сом слизи и пошол гу командирови. Допушел да Янко остане при мне. Його чета була розбита и вон и так гледал єдинку гу котрей би ше дочасно приключел. Його шмелосц и добра автоматска пушка виратовали ми живот, а вон на тото шицко не знал ніч инше повесц лем: „Га, забивам их, цо знам“. Ягод да гуторел: „Га, орем, цо знам кед хвиля и кед ше муши“. А да його не було, я би тераз не курел тот цигар и ти би бул широта.

Неодлуга зме нападли на Немцох утвердених на гайзибанскей драги. Митралези кошели и ми ше мушели преруцовац єден по єден, напредок, преїг преораного поля. Розбегнул сом ше, пребегнул сом дас дваецц крочаї и легнул. Падаючи на жем почувствовал сом як ме цошка порвало за ліву руку. Заліпел сом ше гу оранїни и сциснул зуби, бо сом чувствовал непреповедзени боль. Пробовал сом опатриц цо ми з руку, але сом ше пре кульки не могол дзвигнуц ані сантиметер. Сичали и гвижджали коло мене так же сом думал же шицки неприятельски оружия лем на мене штреляю.

Вец сом замлел. Цо було далей, приповедали ми познейше товарише.

Неприятель отворел таки огонь же ше не могло предлужиц з преруцваньом док нам не спигне артилерия док помощи. Нашо отворели огонь зос шицких пушкох и митралезох же би ше могли поцагнуц тоти цо пошли напредок. Поцагли ше шицки, на предку остали лем ми троме ранети. Гледало ше хто добродзечне пойдзе вицагнуц нас зоз огня. Янко през слова охабел свой автомат, знял шинел и, аж кед рушел, скричал нашому митралезцови:

— Штреляй на гевтого гада при бохтерні!

А тот гад бул немецки митралез котри мне потрафел и котри о мали час розпарал його реклу на хрибце. Вицагнул перше одного цо бул бліжей, а вец ше врацел по мне. Пришол сом гу себе праве кед ме спуцовал до нашого одкопу. Ошмихнул ше и гварел:

— Пребач, влапел сом це за руку, не знал сом же е планета.

Сциснул сом зуби, дзвигнул сом здраву руку и облапел го прицагуюци го на перши. Думам же сом теди добре видзел: слизи му були у очох. Чи ше радовал же ме виратовал, чи ше радовал же ме не барз сциснул за планету руку кед ме вицаговал, не знам.

Одлежал сом три тижні у шпиталю. Кед сом ше врацел до чети, Янка там не було. Дзень скорей пошол на извидзене и не врацел ше. З нїм були ище двома товарише. Мали ше истого рана врациц, але их не було и шицки раховали же су мертви або залапени. Можеш задумац як ми було. Янко, мой Янко мертви! Не, то не може буц. Я уж верел же його кулька не лапа. Тельораз сом го видзел там дзе би други погинули, а йому ше ніч не збуло.

Пред вечаром їх уж шицки прежалели. Раховали же су сигурно мертви. Але я не! Не могол сом ше помириц з тим. Пошол сом гу командирови. Дзечне пристал да идзем на извидзене, по истей драги кадзи вони пошли, але ми задаток не бул їх гледац. Задоволен сом ше и зос тим наздаваюци ше же найдзем голем даяки шлїд од нїх.

Ище з єдним товаришом прешли зме вноци лению фронта. Позбєрали зме податки котри нам були нужни. Мали зме ище лем преконтролисац єден скорей достати податок. Драга нас водзела през єден лєшик котри випатрал, а и по скорейших податкох мал буц празни. Понагляли зме, бо уж прешло пол ноци, а ми ше скорей швитаня мушели врациц назад. Понагляли зме як зме лем цихше могли закланяюци ше за дрова.

Нараз ме товариш влапел за руку. Престали зме дихац. Недалеко од нас чули зме цихе шушотанє лїсца як да ше по нїм дахто превраца. Цо тераз? Можебуц то лем даяка животиня; заяц або лїшка. Можебуц зме пред лагром непри-

ятельських воякох. Пейц, шейсц километри зме далеко од фронту, можебуц стражар заспал та нас не збачел.

Стоїме так за дровом и роздзераме очи же би зме видзели лепше у цми. Ніч не видзиме, далеко зме, а цмота густа. Шушотане ше понавя и ми застановяме дихане. И нараз, несподзівано, през жгиртане зубоx чул сом придавену клятву, нашу, руску клятву:

— Чорт це ноши!

Не оглядаючи ше нінач, розбегнул сом ше там. Познал сом глас и видзи ше ми же бим у тим чаше вилецел и пред циву неприятельского митралеца.

Щесце же Янко не мог штреляц, бо би ме иншак забил думаючи же сом неприятель. Нагнул сом ше над нім и озвал сом ше гу ньому по мену, але вон не одвитовал. Помацал сом го з руками. Бул обляти зос знойом, кошуля му була розтаргана и на правим сцегну надрага роздартя. Видзел сом же сам превил ногу зос фалатом кошулі. През ренду пребивала крив.

Забул сом на задаток котри сом ище мал окончиц. Чи ест дацо важнейше як Янко?! А не погришел сом же сом не пошол далей. Янко знал шицко вельо лепше як я. Но-шелі зме го раз еден раз други. Не було нам легко, але зме сцигли назад.

Янко пошол до шпиталю и аж познейше сом дознал як остал живи. У леше, на два километри од фронту, на-ишла такой першей ноци на ніх немецка патрула. Немци их нападли, а вони одвитовали з огньом. Под час штрельби Янко ше, ранети до ноги, поцагнул на бок за едно грубе древо и ту остал, замлети. Немци сигурно думали же були лем двоє и кед Янко пред швитаньом пришол гу себе, видзел своїх двох товаришоx мертвих. Понеже видзел же ше тей ноци не може вецей врациц, Янко превил ногу и рушел ше далей. З вельку трапезу прешол ище два кило-метри, вивершел задаток, але вецей не могол ходзиц. Стра-цел вельо криви и остал у тим лешику дзе го на щесце не нашли Немци и дзе го на щесце нашли ми.

По конец войны зме вецей не були ведно, але конец неодлуга пришол. Я за Немцами пошол аж до Австрії, а вон ше лічел у шпиталю у Зомборе. Кед зме ше стретли у Вербаше на станїци, людзе стали та патрели, а мегчейши

и сами сцерали слизи радујуци ше нашей радосци. А цихи, мали Янко ше притулел гу мне, ягод да го и тераз чувствуем у своїх гарсцох, и бул ми таки... таки... чувствовал сом ягод да є часц самого мне. И то гевта найкрасша, найлєпша часц.

Оец уцихнул, а я ше задумано запатрел до цмоти. У думох сом ишол од єдного по другого свойого товариша, але ані єден не бул таки як бачи Янко мойому оцови.

А можебуц и бул, лем я то не обачел.

КОЛО ОГНЯ

Циха тепла ноц коло нас. Ми планинаре шедзиме коло огня и приповедаме койцо. Найвецей ше бешедуе о войны, о чезких бойох у котрим векшина з нас участвовала, бо то вязане за наш вилет: ми ше рушили обисц места дзе ше у народноошлебодительней борби водзели битки з неприятельом. Бешедовало ше по групах: по двома-трома товарише обрацали ше єден гу другому, оживйовали свойо дожица, док найстарши медзи нами, баюсати Василь, або „Дідо“, як го ми звикли волац, не гварел:

— Ноле, Владо, виприповедай нам ти як ши пришол до одряду.

Владо ше ошмихнул, поцагнул з руку по чарних владох и, випатра, збунел ше кус кед шицки уцихли и попатрели на нього.

— Приповедай ти, Діду, ти лепше знаш то виквициц як я — гварел вон.

— Але най ци не будзе неправо кед дацо доложим! — гварел Дідо и намесцел ше згоднейше шедзиц. — Я виприповедам, — гварел — але да ше вец не гніваш на мене!

— А, так не може! — гварел Владо. — Виприповедам вец я так як було, бо би ти вельо того на мой рахунок додал.

— Но, так будзе лепше — гварел Дідо, — Ти виприповедай, а я будзем докладац дзе цо вихабиш. Добре? Але най им перше я повем як сом ше першираз стретнул з тобу.

И Дідо загласкал свойо уж шиви баюси, та почал приповедац.

— Єдного дня идзем я як командир тройки минарац гайзибанску драгу. Идзем през лес, кед нараз — з гуцави

вибегнул пред нас хлапец: „Товариш командант, — гвари вон мне — примце ме до партизанох. Шицких моїх фашисти позабивали, хижу нам запальели и я ше сцем бориц против нїх“. Патрим я на ньго: хлапчик крашне розвити, може му буц дас штернасти рок, але твар дзецинска — нос писи як гомбичка, гамби червени и мегки як вишня кед ю роципиш. Патрим я на ньго и не знам цо зробиц. Збунел ме хлапчик. „До партизанох биш сцел“ — гварим му. „Гей“ — одрезал вон и чека з отворенима устами цо я повем. А я закруцам баюс, закруцам и на остатку принешем ришене: „Идз до валалу, до даякей родзини, та док одрошнеш, вец ше явиш до партизанох!“ „Я уж досц вельки! Я ше можем бориц!“ — гварел вон и стара ше же би му глас бул цо вецей хлопски. Але очи, як и цале його зявене, були дзецински. У часу ше наполнили зос слизами кед видзел же я не меням свойо ришене. Же бим го поцешел, гварел сом му: „Ти нам можеш зато и teraz помагац. Явяй нам дзе фашисти и кельо их ест“. И розтолковал сом му на котри способ то да роби. Кед зме ше розходзели, я му дал руку, а вон ю прилапел з обидвома руками щешлїви же нам може помогнуц у тей велькей борби. Ище сом му гварел: „Повем командантови о тебе, та кед будзеш добре вивершовац задатки, приме це до партизанох“. „А ти не командант!“ — вицирел вон очи на мене. Кед сом му то потвердзел, вон ше розгнївал: „Цо же ши ми то не поведол такой! Трацим ту час з тобу, а я знам же ме командант приме! Идзем я гу ньому!“ И увредзено ше обрацел та пошол од нас.

— Кед зме ше врацели зоз акциї, чули зме же бул при командантови, але го вон исто так порацел як и я. Цо з дзецком? Але, — ту Дїдо станул кус як да сце наглашиц слова — але Владо не бул дзецко. Тото цо вон зробел потим, не зробели би велї старши. Ни-а, такой вам вон виприповеда же як зме ше знова по другираз стретли.

— Врацел сом ше до валалу, — почал приповедац Владо — а Дїдово слово ми вше було на розуме. „Док одрошнеш... док одрошнеш...“ Гнївал сом ше на ньго, бо ме рушало же патрел на мене як на дзецко у колїски. И ковал сом плани як да докажем же сом не дзецко. Плани ми ше не витворйовали и я з каждим дньом вше

яснейше видзел же сом справди лем дзецко. Але єдного дня, зошицким несподзівано, док сом чувал бачиково овци коло рики, збачел сом єдного Немца, котри пришол на рику. Охабел шмайсер коло древа, зоблекол зос себе шмати и загажел до води поверх колена, та ше почал з мидлом умивац. Накадзи сом то видзел, я ришел цо будзем робиц. Ніби случайно гонел сом овци бліжей гу древу. Немен ме видзел, але ше не оглядал вело на мнє. И вон ме тримал за дзецко, а то го упрепасцело. Кед сом бул уж недалеко, розбегнул сом ше и хвацел сом шмайсер. Шваб запрепасцено вицирел очи и цошка злярмал, але так моцно же ше я злекол. Злекол сом ше, бо сом аж теди зрозумел цо сом поробел кед сом у руках осетел жимни челік шмайсера. И не знам ані сам як ше то далей збуло. Видзел сом лем же Шваб спаднул до води и же на води остал масни шплях креви. И кед вон спаднул под воду, мнє якошик одлегчало. Але сом ше чувствовав вистати. И кед сом прецагнул руку по чолє, видзел сом же ше зноім. Прешло можебуц даскельо минути док сом зошицким не пришол гу себе. А вец сом хвацел шмайсер прейг поли и почал сом сцекац. Кед сом ше долапел леса, застановел сом ше. З валалу, дас на кило- метер и пол од лешика дзе я бул, бежали шваби и усташе гу рики. Було их вельо: сто, двасто. Єдна група з ніх ше видвоєла и рушела ше гу мнє. Цо робиц тераз? Їх було дас 30, а я сам. И вец сом почал сцекац. Сцекал сом док сом мал диханя. Конари ме били по твари, падал сом и ставал и знова сцекал. Шмайсер ми завадзал, квачел ше за конари, але сом го не пуцал з руки. Геодлуга сом чул и штрельбу за собу. Штреляли далеко одомнє, але ше мнє видзело же су ми за петами. А вец сом спаднул. Прицагла ме жем и я ше не могол одліпиц од ней. Напинал сом ше зос шицку моцу, але цело було таке вистате же падало назад. Не знам кельо сом так лежал, але кед сом пришол гу себе, бул уж вечар. „Значи, сцекол сом им“ — такой сом подумал. Тераз, кед думам о тим, видзим же сом добре зробел же сом такой до леса сцекол. Вони ме не видзели, сигурно думали же партизанє нападли їх товариша, а партизанох нігдзе нет. И нікого нет! Дочекала их мирна рика и спокойни лес. Штреляли кус, гледали и, кед не нашли ніч, врацели ше до валалу та ше вимсцели над невиним народом.

А я — постал партизан! Назад сом вецей не могол, ані сом не сцел, бо ми цель бул бориц ше против фашистох котри позабивали моїх родичох — закончел Влаго.

Але виприповедай як ши постал партизан! То ище не конец!

— Га виприповедай ти, Діду! — нашмеял ше Влаго. — То за тебе интересантнейше, бо сом ци теди мало скору не подзиравел.

— Ба през своєї ши могол остац! Задумайце ви лем: идзем я коло поладня по леше, кед нараз: „Стой! Руки горе!“ О, убил це швет, думам себе, готови ши, Діду. Попатрим: цива упарта з гуцави дас на дзешец метери одомне. Видзим — немецки шмайсер. Готови ши, Діду. Стал я так заслупнути даскельо секунди, а вец — гоп за найбліжше древо! Гевтог не штреля! Цо то за работа? Чом не штрелял? Дзвилнул я пушку и нацилюем до гуцави. Іправе да цвенкнем кед видзим — пред циву просто на верх предней мушки писи нос як гомбичка. Випиха вон главу зос гуцави и я го препознал. Препознал сом Влаго. А да сом цвенкнул — справел бим питу з того красного носа.

— Я чул же хтошка идзе, — гварел Влаго — але сом бул таки вистати и гладни, бо то уж треци дзень бул як сом гледал партизанох — же сом не видзел добре. И при-видзело ми ше же сом ше спредед, же ніхто не ишол, та сом вихпал главу. А воно, настрашел сом Діда.

— И Дідо тебе! — гварел Дідо. И додал: — Од теди та по конец войны Влаго и я були ведно. Прешли зме ище велі борби и, ни-а, дожили зме да у мире нащивиме тоти места кадзи зме дакеди войовали.

СТАРА ЯГОДА

Велі роки прешли од того дня, велі витри колісали конари старей ягоди пред нашим облаком, але кажди витор у конарох тей ягоди виволує єдну слику котра ше глібоко урезала да ше, озда нігда вецей, не висцера.

Була жима. Груби шніг пред облаком бул стапшани од штідох вояцких ципелох. Патрел сом на тоті шліди през змарзнути очка и гнівал сом ше на мацер же ме не пуца вонка. Цо з тим кед рация? Озда ше я не шмем санкац ?... А як би було крашне гажіц по глібоким шнігу и виваляц ше у нїм... И шицки дзеци з нашої хижі, дзеци наших станарох, да виду вонка, та да ше оруцуєме... А мацери да нас не лаю кед ше мокри врациме.

Але, рация — гваря мацери. Мац ме не пуци ані до Миколи, ципеларового сина. Вони биваю у дворе назадку и у нїх живо. Микола ма ище двох братох и єдну малу шестричку. Єден з нїх коліше шестру, а ми други майструєме зоз бачи-Митровим ремеслом. Бачи Митро нам да шидла, копита и млатки, та му ми „помагаєме“. Зоз фалаткох котри не може похасновац правиме ципели, а вон, вше добрей дзеки, розположени, хвалі нас и гутори хторого вежнє за шегерта.

И вщера и нешка мац ме ані до нїх не пуци. „Шедз себе ту у хижі — гвари — док того чудо не преїдзе“. А кед я вдерим до плачу, оец, котри пре рацию уж други дзень не идзе на роботу, помали одпасує ремень и я ше прешвечуєм же лепше шедзиц у хижі и патриц през облак, та преставам плакац док ремень ище не почал дійствовац.

Якошик коло поладня допустили, озда вояци котрих вше було по драже, да ше идзе по хлеб до пекарні. Пошол и оец. Неодлуга ше врацел зос фалатом хлеба. „Так швидко“! — чудовала ше мац. „Га ніхто през велькей нужди не виходзи зос хижи. Викуню людзе през облак, або стоя неодлучни на капуркок, та ше знова уцагаю нука“ — гвари оец и доклада цихше: „Хто тим гадом може вериц!“ Гади були малярски вояци и жандаре, то я знал, бо их оец нігда иншак ані не волат. А же ше людзе боя, то и я видзел през облак. Стане человек гу облаку и накадзи ше у улічки зажелені вояцки шинел, человек ше одцагае од облака, як да гутори: „Скланяй ше чорту спред рогох“.

По хлеб пошол и бачи Митро, Миколов оец. Видзел сом през облак його зленету жимску шапку з котру зме ше часто бавели. Познал сом го и по крочаю. Таки чежки, одмерани крочай не мал ніхто у улічки. Бачи Митро бул штреднього росту, але збити, моцни человек. Микола ми аж приповедал же ше бачи Митро пасовал зос Марком Кральовичом и же вон єдини звалел Марка. Я му верел, бо бачи Митро то справди могол зробиц.

Кед прешол коло облака, я го нескоро обачел и тераз сом нескерпезліво обчековал да ше враци. Повем му най Миколу пуци гу мне. Вон то зроби, бо є не таки як моя мац. Вон ше не бої. А можебудз нагвари мою мацер да ме пуци гу Миколови. Там, заш лем, веселше.

Преходзели минути у вичекованю. Нескерпезліво сом ослуховав, дихал сом на змарзнути облак же бим преширел дзирку у ляду же бим го скорей обачел.

И вон пришол. Чул сом його крочай, а вец сом збачел и його. Ишол з погнуту главу, а под пазуху ношел хлеб. Ишол по штредку уліци, бо так розказали вояци. Уж ше рушел гу капурки, скруцел гу нашому облаку, кед нараз дзвигнул главу. Бул, повед бим, з чимшик несподзивани и патрел на други бок улічки. Попатрел сом на гевтот бок, але сом ніч не видзел, бо предомну була наша стара ягода. У конарох сичел витор, а бачи Митро стал ище вше так несподзивани. А вец... споза ягоди указала ше пушка, а за ню желени шинел. Чарна цива була упарта на бачика Митра.

Здогадуем ше ище и нешка каждого слова и каждой поединосци. Вояк, смаркош якишик, сигурно доброволец, закирвавел з очми, а пиршава твар, збелавета од жими, страцела чловечи випатрунок. Здабала на жабу гу котрей ше приближуе гад да ю прелігне. Але — мал пушку у руки. Чарна цива розняла писки на бачика Митра и несподзиване у бачикових очох зменела мержня. Гамби му ше нервозно розцагли даскельораз на боки ягод кед ше дакеди уж справди розгнівал на нас — дзеци. Попатрел на циву, а вец воякови до оч не кліпкаюци.

— Дзе ши бул? — злярмал вояк неприродним гласом по мадярски.

— Видзиш, бул сом по хлеб.

Бачи Митро знал досц добре по мадярски, але, на мойо несподзиване, тераз бешедовал по сербски. Тераз, после теліх рокох, я го розумим. Уліца була пуста. На уліци лем їх двома: еден зос пушку, нічомнік и юнак лем прето же припада армії котра ше юначи над голорукиим народом, а други з хлебом у руки, котри чекаю дзеци и зос справди юнацким шерцом.

— Брешеш по сербски, комунисто! — роздар ше вояк, а твар му зблядла. И тераз не знам чи то бул гнів пре бачикову Митрову непокорносц, чи страх збойніка пред забойством. Вон нагло дзвигнул пушку гу твари и скорей як прасло чул сом глас бачиков:

— Дзецом... хлеб...

Нацагнул руку ягод да сцел руциц хлеб до капурки да е бліжей гладним дзецом, але ше заплянтал, рука з хлебом еден час стала дзвигнута у воздуху, а вец ше з обидвома руками влапел за перши и падаюци цошка гуторел. „Злодію!“ — було остатне слово котре сом чул. Раз, а вец ище раз затресло ше предомну очко. Бачи Митро лежал у шнігу, а коло нього ше ширела червена платка, ягод да под нїм розквита червена ружа.

Збойнік ше злекнуто оглядал чи не прашне одакадз на нього пушка. А вец одбегнул по угел и чул сом як кричи своїм пайташом у злодійстве, котрих знемирела штрельба:

— Забил сом єдного комунисту! Гибайце...

Збляднути оцц хвацел ме н одрилел од облака. Я ше давел у слизох н не чул сом цо ми гуторел. Пред очми ми трепала фарба шнігу, а у уоох пращала штрельба.

Ледво сом прегварел:

— Забили бачика Митра... Лежи при нашей ягоди...

Велі роки прешли од теди. Але кедигод попатрим през облак на нашу ягоду кед витор коліше ей конари, я ше здогаднем як еден збійнік дзвигнул пушку на човека.

ШИРОТА

Немирна слункова зря скакала з лісца на лісце, з конара на конар, пошлісла ше и заплетла у златних власох дзивчеца котре спало под дровом. Дзивче отворело очи, дзвигло руку же би ше нацагло, але ше ей нараз очи скаменели, прейг твари прешол корч и вона ше таргла и спущела главу до травы. Корч несподзиваного стретнуца зос стварносцу облапел цале цело и вона ше однімала як у горучки. На твари забліщели бисерни пацерки слизох, а сухи гамби шептали сухой жеми:

— Мамо!... Мамо!...

Пред очми ше ей бліщел оштри нож котри оддзелел сон од радосних дньох од страшней стварносци у котрей ше находзела. Чом сон не потирвал ище лем дакус, гоч лем тельо да ей мац докончи чесане власох и да ей увяже червену машлічку котра ей так крашне приставала гу ніжному ліцу и чарним як тарка очом. Сон ше прервал баш теди кед ю мац погласкала по глави як ю почне чесац. Место мацеровей благей руки над ню бул голи конар старей кайси, а на заходзе кирваве слунко хторе вистато капало за горизонтом. Слика кирвавого неба ище ю баржей здогадла на страшну подію и не плакали ей лем очи, — плакало цале цело. Зос шерца ше вилівал отров болю, а слизи го змивали и ношели до сухой жеми котра го уж тельо вельо мала у себе. Жем не знала цешиц, не знала утрец слизи широтки, бо и сама у тих войнових часох була широта. На травы ше становяли преляти слизи и випатрало ягод да и жем плаче, ягод да два широти вименюю свойо болі.

Мири пресохли слизи у очох. Умита душа ше врацела по дражки сна до прешлосци.

Оец и мац робели на полю, а вона дома чувала младшого брата Владка. Док ше брацик мирно бавел, вона шедзела и робела задачи. Владко цошка нерозумліве приповедал своїм бависком, а вона по пиятираз повторйовала стицки зос писні „Мац“:

„Яки красни тоти слова,
Цо так часто споминаме,
Яка велька тота любов
На котрей ше огриваме!“

Задумовала свою мацер, видзела ю у думох як роби з оцом на полю и чудовала ше же о ней аж и писні шпиваю.

Кед би Владкови досадзело бависко, вона шедала гу ньому на керпару и знова го забавяла з дащим иншим, а вец предлужовала робиц свою роботу. Поробела и лгчейши роботи по обисцу же би мацери меней остало док придзе вистата з поля.

Вец приходзели мац и оец. Оец им часто з поля дацо принес: ящурково вайца, препилково пирка, а раз и красного малого заячка. Владко ше заячкови тельо радовал же ані спац не сцел пойсц през нього и змирел ше аж кед намесцели при його посцелї у куце кожух и на нього положили заячка же би ту спал.

А вец — война! Оец пошол и длуго ше не врацал. Єдного дня пришол зароснути, у вояцких шматох, брудни и вистати. О даскельо мешаци пошол заш и вецей ше не врацел. Погинул як партизан дзешка у лесох Босней после велїх славних борбох. Мац ше з нїма преселела до діда и баби.

Єдней ноци Миру пребудзело дуркане по хижи. Чула як у цмим приклеце баба стука и поцагуе з носом ягод да плаче. Дїдо ей поцихи, але оштро гуторел:

— Нет кеди плакац! Рихтай дзеци! Будзеш мац кеди плакац док ми пойдземе!

Баба вошла гу нїм до хижи.

— Дзе мац? — злекнуто ше питала Мира.

— Поцихи, дзеци мойо! Вонка прага конї зоз дїдом. Ноле, найдз свойо шмати и облекай ше фришко!

Баба облекала, Владка котри сциха плакал же го так вцас пребудзели, а Мира облекаюци ше не прегварела ані

слова. Видзела же ше цошка важне случуе у обисцу и не сцела завадзац зоз бешеду.

У кочу их було штvero. Мац, Владко и вона на задку у шену, а дідо на предку оганял коні.

По валале ше чуло штреляне. Дзешка з другого конца ше дзвигнул слуп шветлосци и небо на тим боку постало чарвене. Горела чияшик хижа. Штрельба ше змоцньовала, а з ню и лярма и йойк. Дідо ище баржей оганял коні и неодлуга вибили з валалу на поля и Мири непознату драгу.

— Дзе идземе, мамо? — озвала ше аж тераз операючи ше на мацерову руку.

— До леса, сину. Сцекаме до леса!..

— Я ше боїм!

— Не бой ше, дзецко мойо, ту я.

— А чом штреляю у валалє? — питала ше Мири притулюючи ше гу мацери.

— Усташе забиваю. Виганяю шицких котрим дахто у партизанох. Нам на час явела валалска стража же приходза усташе.

Мац на час уцихла, а вец гварела:

— Ище єдну запалєли, проклятніци! Оцец, гоньце швидше!

— А нас не забию? — зос страхом ше питала Мири.

— Не, лем кед швидко сцигнеме до леса. Вони до леса не заходза вноци и там нас не можу влапиц. Оцец швидше!

Коні бежали як да не дорушую жем пребиваючи ше през чарну цмоту. Кандрасти цині древох оставали за німа у ноци. Мири патрела за німа и повторйовала мацерово слова:

— Лем да цо скорей сцигнеме до леса!

Дідо немилосердне бил коні и тиж думал на исте:

— Лем да сцигнеме до леса!

Коч лєцел до ноци — до шмерци.

Червени батоги забліскали зос цмоти, а жем ше шалено почака под німа круциц. Мири ше у страху сцисла гу мацери и заварла очи.

Кед пришла гу себе и отворела очи, видзела же є у непознатей хижи. Бишалми и яблука напольнєли хижу зос запахом. Спущєла ше зос посцелї же би видзела дзе є, але ю ноги видали и вона ше зошлїсла на жем. У глави ше єй круцєло, а на очи ше нацагла молга.

— Мамо! Мамо, дзе сце!

До хижі убегла баба і нина, оцова шестра. Міра перше збачела бабово виплаканыя очи, а вець пазнала і нину.

— Дзецко мойо, прэбудзела ші ше? — шептала баба і пачала ю бочкац, а слизі ше ей котулялі по тварі.

І нина ю обочкала, але ей не патрела до оч, бо не могла становіц слизі.

— Дзе мац, бабо?

Нина наглас зійчала, закрила твар з фартухом і вібегла вонка. Шерцо ше у ней таргало на фалаткі. І ей бі дзеці так глядзілі ю як Міра тэраз сваю мацэр! Цо бі ім людзе тэраз маглі повесц?

— Нет вецей мацэры!... забіта е!...

Чи бі дзеці то розумелі? Чи бі розумелі же на тым швецэ ест такі жвіры котрі забіваю дзеці і мацэры? Чи бі маглі похопіц же ест людзох котрі нелюдзе? То бі не розумелі. Зналі бі лем же нет вецей блэгей мацэровой рукі і ей очох полніх доброти і любові котру лем мац може указац сваім дзецом.

Мацэры нет. Погінула ведно з Владком і дідом тэды на кочу, гевтэй страшней ноці. Усташе іх дочекалі блізка леса і рано еден югас з Бабскэй нашол живу лем Міру і явел бабі, а баба ю прынэсла до Бачінцох гу ніні да не забію і остатнього члена фамеліі погінутого партызана.

—

Міра утарла слизі і станула. Вжала кніжку і рушела прэз двор до хижі дзе ю чека нина, добра і міла нина, — але не мац.

КРАСНЕ ДЗЕЦИНСТВО, БОСЕ И ОБУТЕ

КЛАСНА ЗАЄДНИЦА „ТОВАРИШСТВО“

Обачел сом же ми Миколка ма цошка важне повесц. На годзини не мерковал, не провадзел мойо преподаванє, але сом видзел же є з думами ту у класи. Патри на мене и ягод да бешедує зо мну, але накадзи я попатрим на ньго, вон спущує главу. Меркує да нам ше очи не стретню, бо ше бої же у його очох пречитам тоту тайну котра го мучи.

Кед ше годзина завершела, я чекал же би школяре вишли зос класи на одпочивок. Даєдни пришли гу столу, а медзи нїма бул и Микола. По обичаю ше ми випитовали ище койцо у вязи зос преподаваньом, але Микола бул цихо и — бул немирни. Видзим по нїм — сце зо мну бешедовац, але насамо. Вишли зме до конку. Школяре ше рушели на двор, а я до зборніци. За мну ишол Миколка. Станул сом кус и причекал да ме здогонї.

— Ти ми маш цошка повесц, Миколко.

— Гей — гварел вон и видзел сом як му одлегчало же я почал бешеду.

— И то цошка вельке кед ци так чежко почац.

Вон ше збунето пооглядал коло себе, а вец почал неповязано:

— Я о Петрови... Не знам чи ви то допущице... Я думам же би вам требало повесц... а и вони думают...

Поносованє на само сом не церпел. Учел сом их же би шлебодно виношели и свойо и цудзи хиби пред цалу класу, а не шептац за хрибтом. Прето сом ше нагнївал:

— Ти знаш цо я тераз о тебе думам: цалу годзину ши ковал план як ме дорвеш насамо да ше випоносуєш на Петра. Исте тото думам и о тих других котри ше з тобу догваряли и котри це послали. Петро не могол нїч таке

вельке зробиц як цо зробели ви же го сцце зрадніцки удац за його хрибтом и през знаня класи.

Сцел сом му розтолковац чом треба хиби виношиц пред класу, але сом обачел же ше му очи забліщели, як пред плачом, и раховал сом же ме розумел и през толкованя. Прето, же бим го умирел, гварел сом:

— Идз. А я сам будзем з Петром бешедовац.

Вон попатрел на мне, а вец чежко прегварел:

— Петро о тим ніч не зна. То ше ми догварели...

— Як не зна?

— Вон не зна же му сцеме купиц... Вон, так... зна же му мац не може...

— Чекай, чекай. Тераз це аж не розумим. Ти ше сцел поносовац на Петра, чи не?

— Не!

— Вец баш ніч не розумим. Почніме з початку.

Прекрасна мала душо. Яки сом бул несправедліви гу тебе. Чи сом могол обчековац же у тебе таке вельке шерцо и таке вельке розумене цудзого зла. Патрим кажди дзень твойо несташносци и не обачуем же окрем ніх у тебе ест ище цошка, вельке и красне, же починаш розумиц живот.

Петро бул син хорйовитей гдовици. Зос школи понагял дому робиц, а до школи приходзел вистати и невиспани од роботи дома. Заш лем бул медзи найлепшима школярами у класи, а лем вон зна з яким то трудом посцигол.

Пришли жимни ешеньски дні, а вон под реклочку мал лем одну маїцу, ценку лєтню маїцу з краткими рукавами. Єдного дня сом обачел же ше од облака, дзе скорей шедзел, премесцел гу пецу, до остатней лавки. Думал сом же го премесцел даєден наставнік и охабел сом го там шедзиц. З початку шедзел сам, а вец сом єдного дня видзел же з нїм шедзи Меланка. У нас шедза дзивчата и хлапци ведно, то ми не було чудно, але сом неспретно станул до охрани школского порядку:

— Меланко, хто тебе премесцел там?

Вона станула як виновата и почала зазберовац свойо ствари и класц их до торбички порихтана врациц ше на свойо место. Поновел сом питанє строгше же бим раз завше указал класи же осудзуем самоволю. Меланка нараз дзвигла главу, попатрела на мне шлебодно, але сом обачел же ей ше гамби трешу.

— Я сама пришла ту.

У тим чаше подумал сом вельо койцо: оец ей бул председател општини и вона дума же може робиц у школи цо сце. Тринасти рок ей — дзивче ше меня и ей премесцоване протест против школских правилех; можебуц постоя симпатії гу Петрови... Подумал сом вельо койцо, лем едно не — же вона розуми лепше живот як я. Петро бул досц убити з чужим животом — йому нужна потримовка. Шедзи сам у остатней лавки при пецу. У своєї биди и осаменосци дума, дума и вше баржей приходзи до прешвеченя же достал чиюшик милосц, же му як жобракови удзелели цепле место при пецу. Чувствуе ше ище биднейши и — осамени. Вон ніч не гутори, але ше у нїм розвива чувство осудзеносци од вчерайших товаришох и особне нещесце му випатра ище страшнейше. Меланка то обачела. Обачела можебуц лем по Петриковим попатрунку, по його справовану под час одпочивкох, але такой ступела до акції. Позберала своєю ствари и прешла гу Петрови. Жадала му указац же є не сам и помогла му же би го чарни роздумованя не прегажели.

Не розумел сом то скорей, пребач ми, Меланко. И кед сом ци розказал да прейдзеш назад на своєю место, не обачел сом даскельо запрепасцени попатрунки. Квиток товаришства, котри сце з таку бригу допатрали, я згажел охранююци школски правила. Вельо койчого сом скорей не обачел, а тераз видзим. Ви не лем несташни дзеци, але поставаце людзе. Радует ше тому, але ми совисц не да мира же сом вам у тим завадзал.

Миколка ми потолковал цали план. Остали лем ми двоє после годзинох и побешедовали зме о шицким. Перше ми, бояжліво и у довирию, гварел же бешедуе у мено дзевец школярох. Предпоставял сом же то даяка организация и на мойо питане Миколка ми гварел же то тайомна организация „Товариштво“. Вец ми гварел же вони рихели купиц Петрови кошулю. Пенежи назберали, але мало. Миколка сцел же би я глядал прилог од наставнікох, але такой надпомнул же лем од тих наставнікох до котрих мам подполно довирия же не видаю тайну. Зложел сом ше з нїм и вон пошол радосни же його „Товариштво“ достало ище одного члена, бо верим же вон бул организатор. Роздумовал сом о тим и ютредзень сом предложел Миколкови:

— Не лепше би було дац Петрови стару кошулю?
— А, ніяк! — енергично одбил вон, — Петро не жобрак!

— А заш лем, ми му купиме єдну кошулю, досц му то? Требало би да ма голєм два. Два му не можеме купиц, треба вельо пенежи. Кед бизме му дали стари, нашло би ше вецей, можебуц три и штири.

— А шор то дац му виношени ронді?... Видзим же сом вам не требал ніч ані гуториц!

Розумел сом же Миколка жада отрмац угляд своєї організації. Можебуц и неясно чувствовал же „Товаришство“ не шме буц ані подобне на даяки добротворни дружба з прешлосци прейг котрих богаче даровали худоби тото цо ей на други способ и у векшей мири одніаю. Вон жадал же би товаришка помоц була резултат усилвносцох каждого члена: одрекню ше биоскопа, цукрох и других дробних задовольствох и помогню товаришови. Медзитим, я зрозумел же шицки їх усилвносци у Петровим случаю не годни буц достаточни. Петрови треба вецей як вони могу дац и прето сом пробовал навесц Миколку на витворене мойого плана. Несподзивано сом го прервал:

— А як даш кошулю Петрови?

— Га дам му. Пойдзем до нього дому, дам му и готове.

— Приме вон? Не будзе увредзени же му даваце милостиню?

— Йому нужно и ми му даваме — прецо би одбил помоц товаришох?

— Думам же вон ютрედзень придзе заш у маїци, а од вас будзе сцекац. Вецей вам до оч не попатри, враци ше на свойо место при облаку и будзеце му шицки цудзи. И од ваших родичох будзе сцекац, бо будзе думац же му вони порихтали тоту понїжуюцу милосц.

Микола попатрел на мене перше зачудовано, а вец розжалено и на концу прегварел:

— Престрашели сце ме. Я би не жадал да ше шицко тото зисци цо ви гварице, але тєраз не знам цо робиц. Мушим о тим шицким роздумац.

Ютрэдзень ми винєс свой предлог:

— Ми ше догварели так. Єдна кошуля мало, прето даме два, а кед треба — и вецей. Але думам же досц два. Єдна будзе нова, а друга стара. Уж су обидва спаковани

и я вам после школи мам принесц пакецик. Найлепше да вам го однешем дому.

— А я го ютре принесем до школи, побешедуем насамо з Петриком — дам му пакецик.

— Не. Ми ришили иншак, гоч би могло и так зробиц. Ришили зме да ви однешеце пакецик його мацери. Повеце же то дарунок Червеного крижа, або дацо подобне... може награда за одличне учене. Жадаме да ше Петро гу нам одноши як и по тераз и прето нас не споминайце. Не сцеме же би ше нелагодно чувствовал кед подума на кошулю. Думама же ме розумице, бо ми и ви о тим гуторели.

— Добре, а хто дал гевту стару кошулю?

— То не важне.

— А кед ше тот дакеди повадзи зос Петром, та му пред шицкима пове же да зруци його кошулю?

— Тот не таки! — гварел прешвечено Миколка и я бул сигурни же кошуля його.

— Ище ми лем поведз зач сце купели кошулю. Не нужни вам прилоги наставнікох?

— А, як да не. Нужни су нам. Достали зме ю наборг, але ю о три дні мушиме виплациц.

— Приповедам ци приповедку, га? Хто тебе да наборг кошулю? А родичох сце сигурно не упутйовали до своїх тайнох же да вам ю вони купя. Даеден з вас зна дзе родичи тримаю пенеж, та „пожичел“ отамаль кед родичи дома не були, агей?

— Скоро так, лем не бул еден. Але пенежи врациме.

Вименяли зме ище даскельо думки о тей ствари и на розходзе Миколка гварел:

— Догварене — нас не споминайце!

Виполнел сом ришене „Товариштва“. Єдино сом не могол отримач обещане же їх не спомнем. Думал сом же найлепше будзе да виприповедам Петровей мацери шицко як було и було ми барз мило же вона то розумне похопела. На розходзе сом ю замоддел да не пове Петрови же то дарунок його товаришох: „Знаце, гварел сом, Петро у тих рокох кед дзецко барз осетліве и сигурно не похопи то як треба. Поведзце же то од Червеного крижа дарунок за добре учене“.

Як ми приємно було кед сом дома роздумовал о поступеню Петровей мацери. Розумела же то не милосц, але

щира помоц товаришох ей сина. Була невиповедзено радосна же Петро ма таких товаришох и же заслужуе їх любов и старосц.

Ютрэдзень Петро пришол у новей кошулі. Накадзи сом вошол до класи, обачел сом то и нероздумовано сом принес заключене о його нешпоровности. Кошуля справди була красна и волел ю охабиц за швета, а ношиц стару, подумал сом. Але сом пофришко пременел свойо думане. На краю моей годзини Петро дзвигнул руку:

— Допущице ми цошка повесц?

Бул кус збунети, але сом на нїм не обачел нїяку неприємносц.

— Сцем задзековац товаришом... — гварел вон — сцем им повесц же то крашне од нїх... же им дзекуем на помоци. — Єдна слиза твардоглаво му вишела на паучайки, але вон предлужел. — И я жадам помагац... Але сам не можем. Прето жадам — обрацел ше гу мне — прето жадам да ме приму до „Товаришства“.

Не знам хто перши почал кляпкац. Можебуц и я. Знам лем же сом ше рознїжел и же сом мал бриги скриц од дзедох очи.

Того дня тайомна организация „Товариштво“ постала явна организация нашей класи. На жадане шицких у класи класна заеднїца школярох VII б класи наволана класна заеднїца „Товариштво“.

Ище вше вас ше здогадуем, дзеци. Здогадуем ше дньовнїка у котрим на краю рока не була ані една слаба оцена, здогадуем ше рижних фурмох помоци котру сце указовали гевтому кому є нужна. Дзеповдни з вас ше можебуц не дзечне здогадую укору котри сом им дал пред конец VIII класи, але ше я того дзечне здогадуем. Знаце прецо го достали. Натрепали єдного старшого легиня котри ше непристойне задзерал до єдного їх дзивчеца. Не виновати ви же ше людзе пристойности муша учиц на рижни способи.

Мойо терашнї школяре малі, ище су не як ви. Але сигурно же єдного дня постаню таки. Я им у тим помагам. Споминам им вашо „Товариштво“. А ви кед наидзеце дакеди коло школи, придзце и сами та им приповедайте и помогнїце им да постаню як ви.

ПОЛЬСКЕ КВИЦЕ

Шицки приповедаю, шицки ше хваля зос своїма дожицями. Даедни були у горох, даедни на морю, а даедни у другим месце. Меланка цихо. Мирно шедзи у лавки и слуша гевтих цо приповедаю.

Учителька ше радознало обраца гу ней:

— Меланко, ти нам не маш цо приповедац?

— Вона не була нігдзе! — заедліво гвари Ганча.

— Озда препровадзела цали одпочивок дома? — вишмихуе ше Кирил, бо вон кажди рок идзе на морйо.

Меланка не дзба за тоти заедліви пригварки и одвитуе учительки:

— Цали одпочивок сом була дома. Мойо дожица обични, каждодньови, и не знам чи то будзе дакого интересовац.

— Да я приповедам о Златиборе! — явя ше Петро, котри под час одпочивкох голем дзешецраз уж виприповедал свойо дожица.

— Тебе зме уж чули, Петре, а чули зме и других котри одпочивок препровадзовали у других местох. Чуйме тераз Меланку. Шицких вас будзе интересовац цо ше случовало у валале док ви не були у нім. Приповедай нам, Меланко.

Меланка дзвигла главу, запатрела ше до слики и почала приповедац:

— Того лета сом требала пойсц до нини до варошу. Нина уж пришла по мне, але ше того дня баш похорела моя мац. Хорота була озбыльна и мац мушела легнуц до посцелі. Ютрედзень требала почац косидба. Оцец глядал у валале жену котра би одберала за нім. Вечар ше врацел дому вистати и застарани. Нікого не нашол за одберане —

шицки уж були завжати зос косидбу. Шедзели зме за столом; оец нина, и я. Оец приповедал мацери у кого шицко бул. Я подумала: „Чом би нина не остала одберац?“ Але сом ше такой таргла. Нина роби у варошу и муши исц на свою длужносц.

А вец, нараз, блїсла ми друга дума и я скричала:
— Я будзем одберац!

Нина з недовирийом попатрела на мене, мац посцерала з рукавом орошени очи, а оец застарано кивнул з главу:

— А хто будзе мацер допатрац?

Мац сцела цошка повесц, сигурно же може и сама стануц и поробиц по хижи, але ю я обегла:

— Замодлїм свою пайташку Сенку да придзе допатрац мацер. Вона може у обисцу поробиц тельо кельо би то и я зробела!

Ютрედзень почала косидба. Була велька горучава, було чежко и, чом да крием, дзекеди ми було неправо же сом не пошла на летоване и же ту згорбена мушим махац зос шерпом. Але накадзи сом подумала же то робим место мацери, же заменяем ю, доставала сом нову силу. Знала сом же би моя мила мац волела да е здрава та да вечар, кед ше враци з поля, пречита мойо писмо котре бим ей писала з летованя. Так вона лежи хора и сигурно дума як мне чежко на летней горучави.

Вечарами, кед зме ше врацали з поля, скакала сом зос коча и бежала до хижи дзе мац лежала. Давала сом ей наруче польского квица котре сом назберала за ню, а вона ме радосна облапяла и покрадзме сцерала слизи.

ВЛАДКОВО ЦИПЕЛИ

Владкови ше видзело же найчежша робота чисцене ципелох. Лем цо ше навечера, стане од стола и сладко почне живкац, мац строго пове:

— Владку, ципели!

Да є не поспани, ище як так. Роби вон през дзень и чежши и допитши роботи та не вистане. Але кед ше паучайки сами спущую, кед руки чежки як дручки, а глава бие поклони, не може ше чисциц ципели.

— Видзиш, гварим ци я же треба скорей охабиц бавене и товаришох на драже! — повторює мац хто зна хторираз едно исте и добре меркує да на запеткох не остане блата.

— Ище ту! Ту... видзиш! Не замасцуй, але очисц шорово!

Владко анї ципелу не барз довидзує, але чуха, чуха, та дакеди аж и талпи почне чухац зос щетку.

— Но, но добре уж! Тераз их ище намасц и вигланцай та ши готови. Видзиш як то швидко идзе кед з дзеку робиш.

Владкови ше видзи же уж годзина прешла, а дакеди и одшнїє дацо так на преривацо и вец понагля скочиц до пирнагох да предлужи сон.

— А руки умиц! А твар! А зуби! — немилосердне го вицагує мацеров глас спод перинки.

Случело ше раз же ципели були нательо од блата же их Владко мушел ошкрабац зос чутку скорей як вошол до хижи. Анї не вошол у нїх, але их охабел под фогашом у приклеце, а на нїх руцел якушик ренду.

После вечери, як и звичайне, мац гварела:

— Владку, ципели!

Владко уж живкнул дас дзешецраз, даскельораз ше и нацагнул, а паучайки падали и падали долу. Прето гварел:

— Уж сом их очисцел.

Зачудовала ше мац и було ей мило.

— Но, видзиш, так треба вше пред вечеру да их пошориш за рано. Тераз ши озда уж и сам обачел же то лепше.

— Гей... гей — гварел Владко, а посцель го прицаговала гу себе.

— Но, вец умиц руки, твар, зуби!

Заспал Владко твардим сном. Спал вон так досц длуго кед нараз — слунко закукло до облака. Скочел Владко, швидко ше удзал до шмагох, хвацел торбичку и беж до школи. Аж на драже ше здогаднул же не фриштиковал, але ше не мал кеди врациц. Уж и так запожнел. Нет дзеци по уліци, нет людзох по драже, та аж ані Шованьов вельки пес не прибегнул гу капурки да збрехне на нього и да го постраши. Понагля Владко, розчервенел ше, а по чоле му зной вибива. Да наидзе голем Янко, вон вше запожнюе. Легчейше би було кед би двоме вошли. Але ані Янка нет. Вербовклін! На нього ше нігда не мож ослоніц.

Аж кед пришол по пияц, Владко розумел чом не видзел нікого по уліцох. Шицки людзе, озда цали валал, були ту. Були позберани як на даяким митингу. Сциха жубротали и цискали ше коло високого подиюму, на котрим не було нікого. Шицки цошка несцерпезліво обчековали. Оглядали ше и когошик випатрала. Як ше пребие през телі швет? Запожні ище вецей до школи! Цо му пове учителька?

Кед людзе обачели Владка, здихли з олегченьом.

— Ево идзе! — скричал хтошка з громади.

— Направце му места най прейдзе! — скричал баюсати дідо Дзвонаров пред чию хижу була бара. — Направце места, людзе! Ево пиха наша и потіха!

Необично ше громада роздвоєла и длуга равна драга водзела аж по дзвигнути подиюм. У цихосци котра настала чуц було еден моцни глас:

— Най жие найшоровши хлапец у нашим валале!

— Най жие! — одгукло з безчислених гарлох, а кляпане ше длуго не змириовало.

— Най жиє хлапец з найчистейшима ципелами! — знова ше явел гевтот глас, а одвит и клянкане були ище моцнейши.

Владко аж тераз пришол гу себе и попатрел на ципели. Крашне видзел широки бразди у засушеним блаце. Кед вечар чисцел грубе блато зос чутку, ошкрабал лем носи. На звязкох и запеткох блато ше осушело и при каждим крочаю опадовали сухи гомбульки. У страху попатрел на людзох котри стали з обидвох бокох. Але вони з одушевеньом патрели на його ципели.

— Як крашне мац такого шорового сина! — здихла една баба щиро рушена и дзвигла фартух гу орошеним паучайком.

— Да мойо голем раз так пошоря свойо ципели! — здихла коло ней една младша жена.

— Щешліва тога мац котра го ма! — гварела треца.

Владко нараз з правого боку збачел свою мацер. И вона од радосци сцерала очи и пишно патрела на нього. Чул як гвари жени при себе:

— То мой син! Од малючка в таки шорови!

Владкови ше подрезали ноги. Обрацел ше и сцел сцекнуц назад, але му драга уж була заварта.

— Пуцце ме! — кричал вон. — Мойо ципели брудни! Саме блато су!

— Вон ище и скромни! — одушевлено скричал хтошка.

— Не, не! Я знам же мойо ципели брудни. Ви то не видзице, але я видзим! — кричал вон, але го ніхто не слухал. Громада му заварла драгу и вше ше баржей приближовала гу дзвигнутому подиуму.

— Ципели ми брудни! Брудни! — скричал вон ище раз и бул готови заплакац, але го хтошка вжал под пазухи и видзвигнул го на високи подиум. Була то його учителька. Коло подиума обачел тераз и цалу свою класу. Швидко ше зогнул гу учительки и гуторел ей швидко як да ше дави:

— Учителько, товаришко учителько, мойо ципели брудни. Вщера сом ходзел по Дзвонаровой бари, а вечар сом ципели лем ошкрабал з чутку. Поведзце им то! вони не видза, думаю же су чисти. И мац дума же су чисти, бо сом ей сциганел.

Учителька ше ошмихла и з радосцу у очох му шептала:

— Мили, добри мой Владку, не мушиш буд таки скромни. И я видзим же твое ципели найчистейши и же заслужуеш тоту чесц. А же ти ище вше видиши бруд на нїх, то лем доказ же зме ше не спрєведли кед зме це вибрали за найшоровшого!

Кед Владко видзел же и то було даремно, дзвигнул ше же би ище раз одгоре скричал людзом же ше спрєведли, же вон нешорови, же не заслужує чесц и довириє котре му указую. Але не могол повєсц нїч. Кляпканє го заглушєло, одушевєни людзе кричали так же анї сам себе не чул. Прето ше заплакал, пред'очми му ше замолжєло, цали пияц зос шицкими людзми скапал за завису слизок и трацєл ше. Червени колєчка вибивали з молги и надбєговали на ньго. Вон ше поцаговал назад, але нараз за собу осєтел празнє...

Прєстрашєни Владко ше таргнул зос сна. Твар му була мокра, а перинка ше зослїсла з посцєлї. Под облаком когут трєпал з кридлами и оглашовал рано.

Владко швидко скончєл и одбєгнул до приклєта. Ципєли ище вше були под рєнду под фогашом як их вєчєр охабєл.

Кєд мац вошла з двора до приклєта, зачудовала ше:

— Владку, чом же ти так вщє станул?!

Владко бул цихо. Чухал ципєли же би були таки яки их видзєли людзе на пияцу, яки их видзєла и мац, а и його учителька.

ЧУДНИ СКЛАДАЧ СТИШКОХ

Мижо бул цалком шорови хлапец. Не запожньовал до школи, не оганял пси по драже, не правел у прощу дзири, а накадзи мац або баба скричали на ньго, такой охабял бависко и понаглял. Нігда з нїм ніхто бриги не мал, нігда вон не видумовал койцо же би загорчал другим живот и прето го шицки ценели, але му не вилагодзовали, бо вон то анї не гледал. Кед дацо добре зроби, мац и баба го забуду похвалїц, бо звикли да вон лем добре роби; кед дацо звинї, лаю го и караю баржей як треба, бо не звикли да вон такє дацо пороби. Можебуц би вон тото шицко легко поднес да не мал младшого брата Яника.

Младши його брат Яни бул негрей якого нет. Уреже ше — йойчи же ше аж кури позлекаю и надзераюци ше вилетню на проща; вежнеш му даяке бависко — валя ше по праху и дре як да го дахто коле; мац лебо баба дакус го дуркню з наперстком — сушеди ше збегню злєкнути чи не попил масну соду. Пре шицко тото Яни бул вше „на штредку“, вше ше о нїм бешедовало и вше ше йому вилагодзело. И нераз Мижо вицагнул грубши край гоч Яни бул виновати. Яника ше не смело рушац.

Допило то Мижови. Чувствовавал ше уквилени и занєдзбани, а не знал як би ше виратовац. Да ше надзера як Яни — вельки є уж за то. Пробовал раз, лем прето да видзи як то будзе дїйствовац, але прето бул ище баржей карани и такой ше прешвечел же то не вредзи. Вон ше надзерал нагрубо и не досц гласно, та у тим була хиба. Яни бул уметнїк — вон починал ценюндо, як да му игли хпа под скору, вєц кус на грубше, як праше кед квичи и закончовал

цалком на грубо, ягод кед вигладнети шудов груглі. Кед то не помогло, починал ознова цалу музику и так повтор-йовал догод го мац або баба не улагоєли з красними словами або з даяку лакотку.

Думал Мижо як би дал до знаня же и вон не глупши од Яника, же и вон зна винєсц дацо за охрану у нежаданих случайох кед мац або баба нерозположени за мирну коег-зистенцию. Думал вон длуго, але не могол ніч прикладне видумац. А вєц, єдного дня, случай му ишол на руку. Нєспод-здивано прєнашол цо давно гледал.

Ягод и вше, и того дня ше бавели при слами и задумовали же то индиански вигмам. На уходзе була задзата ключка и на нєй скалп-лїсце з капусти. Петро, вельки погла-вица „Глїняна Пипка“, врацел ше з ловах и легнул до вигмаму, а його били брат, „Мирна Пушка“, готовел єдло пред вигмамом. Одразу знемирени „Глїняна Пипка“ скричал:

— Мирна Пушко, обачел сом шлїди блядотварих койо-тох у нашим ловиску. Чи придзєш на рано зомну оквициц ше з їх скалпами?

— Мой червени брат зна же я нєсцерпєзлїво будзєм чекац перши зарї слунково. Злодїйства блядотварих отровели ми шерцо и воно будзє благодарнє Манитуу док увидзи билих шмердзацих койотох под нашима мокасинами.

— Вешель ше, Мирна Пушко, бо ше уж ютре вимсциш за шицки неправди котри ци нанєшени. А тєраз ше видрап на святи брег Манитуа да видзиш дзє ше становели блядотвари.

Мирна Пушка опар драбину на брадло и вибєгнул горе. Положел гарсц над очи и длуго патрєл прєйг нєпрє-гляднєй савани, а вєц нараз скричал бєжаци долу:

— Глїняна Пипко, порихтай томагавк! Єден блядотвари уж...

Страшни „блядотвари“ була баба котра ишла позбєрац вайца, але ше Мижови не удало докончиц, бо ше єдна розкивана карфа одламала и вельки прєрийски борец почал так нєщєшлїво бугновац по драбини зоз надрагами и шицким цо у нїх же аж искри летали. И лєм цо щєрєпчал долу, баба з палїчку уж була при ньому.

— А езер ци кати, цо би ци! Вше це пшамац неше по звишкох. Ноле най ци з палічку укажем цо шлебодно, а цо не?

Баба була порихтана з палічку очесац место котре уж и так горело, та ошамуцени Мижо похасновал воене лукавство — запатрел ше назрачо и през нос гварел!

— Гааа?

Заслупла баба и почала ше жегнац:

— Яй, цо же ци! Та цо ши себе наробел?!

— Качка на банти, тути кванти алеманти!

— Але пребог це модлім, цо ци? — ламала уж баба руки.

— Печена багрена, одарта коза, бочкора варена, одгрижем ци з носа! — жгиргал Мижо зоз зубами, а ище вше патрел назрачо.

— Яй, боже мой! — зврещала баба и понагляла гу кухнѳочки. Уж з далеки почала кричац на невесту, Мижову мацер:

— Ирино, фришко!... Яй, з Мижом не добре!... Спаднул з брадла та себе цошка наробел!...

У часу були баба, мац и брацик Яни при слами. За тот час вельки поглавица Гліняна Пипка шмикнул до загради, а Мижо омацал побите место и утвердзел же прејг обчекованя аж и гачи подарти, а не лем надраги. Баба го уж мала нагашиц пре драпане по звишкох, мац засичи на ньго пре подарти надраги, а кед дозна же и гачи подарти, ані оец не виостане зос своїм ременьом. Тераз не шме страциц присебносц, бо вицагне ище и прето же бабу настрашел, а боляцому месту уж и през шицкогo того досц. Прето Мижо шеднул, прекресцел руки на першох и патрел назрачо до жеми як да е не при себе.

Застарана мац ледво до слова дошла:

— Чадо мойо, цо ци?

Мижо бул цихо як да ю не обачел.

— Дзе це болі, сину мой? — питала ше мац.

— Ніч йому не хиби! — дал свойо стручне думане Яни.
— Ни-а, Петро ше там у загради шмее з вас. Мижо од Петра научел патриц назрачо.

— Та идз оталь, цо ти знаш! — дрилела го баба.
— Знам, знам, знам! — Дупкал з песцама Яни. — Ево, увидзице и сами.

Яни ше вимкнул кус далей же би го Мижо не могол долапиц и почал указавац Мижови магарчи уха, длугоки нос и вивальовал на нього язык. Мижо шедзел як кип Буди гоч би дзечне пооганял Яника. Кед видзел же то не помага, Яни почал упрекосно:

— Мижо ма дливку Меланку... Мижо ма дзивку...

— Та идзеш ти оталь! — злярмала на нього мац и обрацела ше гу Мижови. — Не слухай ти його, чадо мойо. Поведз лем мацери дзе це болі.

Мижо и далей заслупнуто шедзел и патрел до жеми.

— Ніч, унешме го до хижи та по дохтора! — гварела баба и влапела Мижа под пазуху.

Нараз Мижо ожил. Кед го дзвигну, увидза розпаздзєрени надраги и гачи, та будзе край комедії. Прето почал виргац, однімац ше и швидко гуториц:

— Целова машина, зос тацка сланїна, льовч преламана, дзвери з ормана.

— Боже господи, цо то?! — заламала мац з руками.

— Ніч, ніч — благала ю баба. — Вдерело! дзецко главу та зишло з розума. Прейдзе то, лем го унешме нука, та по дохтора!

Мац почала плакац, а баба тиж з концом хусточки сцєрала твар и очи. Мижо заключел же вецей нет нїякей опасносци та допушел да го пренєшу до хижи.

Неодлуга пришол дохтор.

Мижо лежал и патрел назрачо, але кед дохтор отворел торбичку, думал же лепше будзе да патри, бо обично вєц не достанє инекції, або достанє меньшу. Упар попатрунох до повали и чекал цо будзе. Дохтор пришол гу посцєлі, одкрив Мижа и почал го препатрац. Мац му прискочела помогнуц и цошка му шєпла на ухо. Мижо не зачул цо му пошептала, але раховал же ше му пита чи ше лем прави же з розума зишол, та ше попонаглял доказац же є подполно не при себе:

— Зос цукру повала, баба танцовала, когут ма роги и риба ноги.

Дохтор зачудовано попатрел на Мижа, а вец гварел:
— Не бав ше, сину, з високу драбину, прут длугоки, ма два боки.

Мижо добре розумел цо то значи. Знал же дохтор пренашол же му ніч не хиби, та такой гварел:

— Карфа зламана, ренда подрана, там дзе болї не треба солї.

Дохтор му сцел заш одвитовац у стишкох, але му не ишло такой од руки та гварел баби и мацери:

— Модлїм вас, охабце нас начас самих. Сцем го добре препатриц, бо випатра же цошка справди з нїм неушоре.

Баба и мац плачуци вишли вонка, а дохтор гварел Мижови:

— Заслужел ши да це огаша аж да ше кури з тебе, знаш!

— Знам — аж тераз заплакал Мижо. — Вони би то уж и зробели, а мне и през того болї. Яника би пре тото не могли покарац, бо ше вон надзера, а я вше вицагнем свойо.

— Та ши не нашол лепши виход, але аж тот.

— То так случайно випадло...

Мижо виприповедал дохторови як ше то шицко збуло и на концу ше цошка длуго догварял з дохтором.

Кед дохтор одходзел, повоал мацер та ше ей питал:

— Ваш син баш таки барз недобри?

— Та дзе, — гварела уплакана мац — послушни є и добри як благи дзень. Лем да оздрави!

— Не старайце ше, — благал ю дохтор — млади є и мощни, швидко оздрави. Лем... пошлїдки можу буц...

— Яй... — заплакала мац.

— Но, но, не бойце ше. Будзе вон здрави и мудри як и по тераз, ище можебуц и мудрейши. Лем кед почне бешедовац у стишкох, не лайце го и меркуйце да го и други не нервираю. Поготову меркуйце да го теди Яни не руша и да му не упрекосци. О мали час то го прейдзе и вец заш будзе добре.

Мижо уж ютредзень бул здрави як птица на конаре. Пред вечаром баба уж з далей припомла подарти надраги

и гачи и же би то не шмело так олегко прейсц, але ше Мижо такой запатрел до мура и почал гуториц:

— Замешка зубата, риба зоз блата...

Мац блісла на бабу з оком и вона учитла, а Мижо ше швидко вицагнул до двора и не приходзел док не волали на вечеру.

Так пренашол Мижо способ за охрану хтори му дочасно досц добре служел, а вец мушел пренайсц нови. Але о нїм другираз.

БУЛ СОМ НАЙМЛАДШИ БРАТ

Крашне то мац старших братох. Побиеш ше з даским та кед обачиш же вицагнеш грубши край, досц да повеш: „Чекай, достанеш ти од мойого брата!“ и неприятель ше поцагуе. Або — запне професор за це, зазначи ци двойку, а ти замодлїш брата же би ци помогнул научиц тот предмет и вец ше явиш, виправиш двойку, та ши мирни даскельо тижні. Крашне буц наймладши и прето же ше наймладшому шицко пребачуе. „Мали є, гваря родичи, ище вон не зна роздумац“. Браца не вше пребача, але ше вони звичайно мало и занїмаю зоз младшим братом, зос „смаркошом“.

Але — чежко наймладшому, бо є вше у облечиву старших братох.

Були зме шицки троме у гимназиї: я у першей, старши у другей, а найстарши брат у штвартей класи. Кед найстарши брат почал ходзиц до гимназиї, купели му родичи красни нови шмати. О рок шмати мали щесца — прешли ведно з братом до другей класи гимназиї, але уж шлїдуючого року „спадли на рок“, врацели ше до першей класи, на штреднього брата. О рок надраги мали щесца, не „остали“ у першей класи, бо ше додарли, але рекла мала горшу судьбу. Вона гераз уж на мене, трецираз ходзела до першей класи гимназиї. Да знала бешедовац, була би ми од помощи, бо ми французки язык чежко ишол, а так — ніч. Даскельо математицки формули виписани на постави було шицко цо сом могол похасновац од ей сильного знаня. Але я бул задовольни и з тим. Щешлїви сом бул у ней ище и прето же ше не видзело кед бим додал даєден шпях зос тинту на ню, бо того було уж досц и з предку зоз задку, а локци були по-

платани з новима платами котри могли служиц ище и братови младшому одомне да сом го мал.

Медзигим, рекла не була сама „понавляч“. Исту судьбу дожили и ципели. Були то красни доганово високи ципели кед ходзели першираз до першей класи. Тераз уж, на мене, були чарни, верхи им були попукани, а талпи подли. Але кед сухо, добри су, а кед мокро — боже мой, и у нових ципелох дакеди ноги мокри.

Шицко було добре док сом не почал шедзиц з Михалом. Я го и скорей ненавидзел, а кед го класни старшина премесцел гу мне — змеркло ми ше. Вше сом ше неприемне чувствовал бліздо дзецох богатих родичох, бо вони, векшина з ніх, бешедовали з висока з нами другима, вони вше сцели мац право и вони вше були у праву.

Михал бул од ніх озда найгорши.

Уж першого дня зме ше заквачели пре мойо яблуко. На одпочивку сом винял яблуко, котре ми мац положила до торбички, а вон, кед го обачел, почал ше шмеяц. Яблуко було мале, з найтунших яблукох на пияцу, бо за драгши и лепши не було пенежи. Вон ше почал регочиц и скочел на лавку та почал кричац: „Тадзи народе, тадзи, да видзиш як шимпанзо є дзиви яблука!“ З єдну руку ме тримал за плецо и обрацал ме доокола же би ме шицки видзели. Витаргнул сом ше и вибегнул сом вонка. Ліца ми горели и плакало ми ше. Пошол сом до двора и руцел сом яблучко до канти за гной. Ютредзень сом не принесол ніч за єдзене.

Шлідуючого дня пришло до конечного обрахунку у котрим зме троме настрадали, хтори меней, хтори вецей.

Почало то на години математики. Писали зме писмену задачу. Кед зме преписали задатки зос табли, почал сом их робиц. Кус роздумуюци, кус ше помагаюци з поставу на мой рекли, котра уж двараз виходзела першу класу, ришел сом шицки задатки з алгебри и прешол сом на задатки з геометрії. Попатрел сом цо Михал роби: вон ище вше преписовал задатки з табли. Праве сом почал раховац поверхносц квадрата кед Михал штухнул до мене:

— Кельо то осем раз седем? — шептал вон.

Ище пре вицерайше яблуко я ше гнівал на ньго и не думал сом му помогнуц, та сом робел далей свой задаток скриваюци свойо виробени задатки з руку.

— Склонь руку!

Кед видзел же ю я не думам склонїц, почал ме квилїц.
— Склонь з лавки тоти шмердзаци роньдї, гадвабни качуру!
— штухнул вон до мене.

То сом уж не могол вицерпиц, та сом му врацел. Професор збачел кормацане!

— Цо то там, Михале?!

— Модлїм... модлїм... ніч.

— Як би ніч не було кед ше кормацаш!

Професор бул строги и шицки зме ше бали од нього. И Михал збляднул.

— Модлїм... вон мене... Вон преписує одомне, та ме бие.

— Цо?! — Професор намесцел окуляри же би видзел лєпше того хробачка, мне, цо ше усудзує подвальовац йому, йому котрому ані старши школяре не могли подвалїц.

Я инстинктивно станул же бим ше одбранел, але не було часу.

— Принеш ту теку? — загирмел вон споза катедри.

Лем цо сом му дал теку, загирмел знова.

Не знам як сом вишол з класи, але сом на конку почувствовав цошка неприємне и страшне. Конк длугоки, у нїм цихосц после гирменя як у крипти, а я сам! Видзело ми ше же сом сам на тим швецє, же ми ше камень конка шлїзка сїод ногох и же препадам. У гарле ме сцискало и вибегнул сом на воздух.

Не обачел сом кед ше послужитель приплїжел. Чул сом перше з далеки, а вец ясно його глас.

— Цо тебе, мали? Хто це то вируцел?

Бул то стари добри бачи Янко. Влапел сом ше за його рукав и почал сом плакац. Вон ме погласкал по власох, а кед сом пришол кус гу себе, випитал ме шицко по шоре.

— Знам Михалового оца. Яки оцєц, таки син... А професор не таки зли человек. Люби ше викричац, але є иншак добри. дочекай ти його док видзе з класи та му поведз цо було.

Я ше рушел по конку, а вон скричал ище за мну:

— А Михала не рушай. Годно буц ище горше...

Так сом и зробел. дочекал сом професора у конку, але не було хасну. Не сцел ме слухац.

— Цо ши заслужел, то ши и достал.

Єдинка це научи розуму — гварел вон. — Ище побешедуеш и зєс класним старшином о тим.

Глібоко розчаровани вошел сом до класи и перше цо сэм обачел бул виновнік мойого сграданя. Вон праве приповедал о мне.

— Я му гварим — не преписуй, а вон не слуха. Штухнул сом го под ребра и — одлвцел гадвабни качур на лет коло швета. А Скорей того до дньовніка знесол вайцо — и то запорсток.

То сом не могол вицерпиц. Буц виновати пред професором котри не жада дознац правду — то не велька ствар. Але буц виновати и випаднуц шмишни пред товаришами — то сом не могол допущиц. Руцел сом ше на ньго ягод тигер и — почало!... Умишали ше и други, настало гаматляне и — завершело ше неславно: штири укори класного старшини (Михал и ище троме), два укори директора (я и Иван, син тедишнього политичного гарештанца) и назва найгоршей класи у гимназії були резултат того зраженя.

Мне ше случела ише една неприємносц. Под час зраженя зоз мойей и так подлей ципели одрала ше талпа и при каждим крочаю чамкала як даяка ненаситна айкула. После годзинох мушел сом шедзиц у класи док ми Иван не нашол філат дрогу да ю задротуеме. Так зоз задротовану ципелу заш сом лем на мире дошол по дом.

Дома сом виявел же вецей не идзем до школи. Родичи ше застарали, бо я не сцел повесц причину, але старши браца дознали шицки поединосци и виволали родичом.

О даскельо дні знова сом пошол до школи. Нови шмати ми крашне стали и мне ше аж видзело же ше шицки дзеци за мну оглядаю. Нови ципели шкрипали, а я з ганблїво спущену главу понаглял по своей драги.

Послужитель мал право. Професор математики бул праведни, гоч робел зоз запожненьом. Кед виправял задачу, обачел Михалову спреводзку, бо я мал скоро шицки задатки виробени, а Михал лем перши и то погришно. Я достал штвертку, а Михал на професорово предкладане премесцени до другого оддзеленя. Яке толковане дали професоре Михаловим родичем пре тото премесценз, тото я не знам, але я бул задовольни зос шицким цо ше збуло и як ше збуло.

ВЕЛЬКА ПРОГРАМА У СУШЕДОВИМ ДВОРЕ

Дзень одходу на экскурзію ше прыбліжоваў, а Владко ище вше не мал пенежи уплаціц за драгу. Прето буў смутні, буў задумані і часта опомінані на годзінох.

— Владко! Заш не меркуеш!...

— Меркуем — таргал ше вон же би о мали час заш заблукаў до своіх невеселих думох.

І класні касір го опоминаў на адпочивкох:

— Владо, ище ши не плацел за экскурзію. Цо чекаш?

— Заплацім — смутно адмаховаў вон з руку і червенел же е остатні.

А адного дня Юлін-Юмбо позбераў даскельо школярох коло себе, адцагнуў іх гу мурыку і гварел:

— Ни-а, як ствар стої. Владко не може плаціц за экскурзію!

— Озда ши нас прето цагал до того скрытого кута? То ми знаме і през тебе.

— Нешка то вон і сам гварел. А Юмбо, ніби, ма тайну да нам яві — з подшмхом гварел Дюри „Пергач“.

— Га, га... га, гускі бербляві — нагніваў ше Юмбо. — Знали сце, знали... А чом не може плаціц?! Га? То вам ше я питам.

— Проста ствар — не ма пенежи! — одвалеў швідкі Пергач.

— Е, бистри ши ми як циберей! — одрезал побидоносно Юмбо. — А питам ці ше я — чом Владко не ма пенежи? То ці ше я питам, ни-а.

Пергач ше збунето абрацаў гледаюці помоц, а кед ю не нашол, почал ше загаковац:

— Га... як бим повед... я думам...

— Пале, пале! Ти думаш! То цошка цо не здабе на тебе. Ти звичайне лем бешедуеш, а не думаш. Е, та най чуем цо ши то надумал.

— Давиш нас, Юмбо, — спроцивела ше Вира — а ніч не гуториш. Такой будзе конец одпочивку. Охав Пергача и гутор уж раз цо маш.

— То уж мудрейше — зложел ше Юмбо. — Ни-а, идзем я вщера...

— Але, преходз на ствар — ирервал го Пергач. — Тераз вон о себе почне приповедац! Гутор о Владкови

— Ша то сцем. Значи, идзем я вщера...

— ...до пекара на сендвичи! — прервала го Вира. — То уж знаме, бо ти индзей ані не идзеш, лем дзе ест дацо за єдзене. То можеш и прескочиц. Гутор уж раз чом Владко не ма пенежи.

— Праве то и сцем цовесц. Владко не ма пенежи. А, ни-а, чом их не ма. Идзем я... — почал заш Юмбо, але го прецали даскельо попатрунки и вон прескочел добру часц того цо сцел повесц. — Шестра його гвари же Владко не пойдзе на екскурзию. Не маю пенежи, гвари, и готове. Оцец им пре хороту не роби уж други мешац и достава зменьшану плацу, а старши брат им пошол до войска. Обидвومه хранителе, так повесц, вируцени зос строю, а есц ше муши. И я ше тераз вам питам — одкадз Владкови пенежи за екскурзию кед ствари так стоя. Одкаль езерка кед ей нет? Га?...

— Гм, нет и нет. Цо шету може — змахуе з плечами Петро. — Не пойдзе на екскурзию, а то не препасц швета. Жем ше и далей будзе обрацац.

Але чи право да вон не идзе лем прето же не може плациц? Чи вон виновати пре то? Не. Значи, треба да идзе. Да идзе — и бог! — положел Юмбо и пальцом точку до воздуху и притвердзел ю з песцу.

— По берайме у класи прилоги за Владку — предложел Петро.

— Кажди да кельо може — зложел ше Пергач. Пале, я давам пейдзешатку.

— И я...

— И я...

Док тоти у групи зраховували свой зашпоровани пенеж, котри можу дац, Вира ше поцагла и задумано ше осло-
нела на древо. Кед уж шицки гварели кельо хто може дац, Юмбо ше озвал гу ней.

— Я не можем ніч дац... Виплакала сом ледво за себе... — гварела зачервенета Вира.

Юмбо видзел же вї неприємно, та охранюючо гварел:

— То прилог, Виро. Дава тот хто може.

Група ше рушела гу уходним дзвером, бо баба Ганя уж дала знак за конец одпочивку.

Вира ше нараз застановела.

— Не можем дац пенежи, але мам одну идею.

— Кед маш два, дай мне одну да ше виратуем на годзини математики — гварел застарано Пергач.

— То би мушела буц тлуста идея хтора би такого антиаланта виратовала — франтовал Юмбо.

— Не мушела би буц тлустейша як ти! — доскочел му Пергач, а друство прасло до шмиху.

На другим одпочивку група заш була у куце при мурику. Вира не була у опасней зони на годзини математики, та на мире розробела цали план, аж и зазначела важнейши точки.

— Ни-а у чим ствар. Могли бизме у класи назберац досц пенежи за Владка гоч би то чежко ишло, але чи не лепше да заробиме тот пенеж. Так би му помогли и тоти цо не маю пенежи — направела мали увод Вира.

— То кршне, Але як заробиш цалу езерку? — прервал ю Пергач.

— Праве тото сцем повесц. Даме програму. Я обезпечим салу, то ест двор, обезпечим публику, а мам готову програму. Слухайце чи будзе добра. Перше, Петро грае на тромби — по могучности модерни шлагери. Друге, Марча и Магда, нашо балерини, одганцю дацо цо знаю. Треце, Миронь имитира животинї, у першим шоре гевти з пралеса, а по могучности и Марсовцох...

— Одкеди Марсорци животинї! — спроцивел ше Пергач.

— Ти цихо, не збивай ме з драги. Ти глуми август и наступаш у павзох.

— Яки заш я глуми август! Не знам я то.

— Не старай ше. Ти лем видзеш на бину, а ми ци зос сали будземе поставяц питаня. Одвитуй на ніх як наймуд-

рейше знаш, ягод кед це наставник математики випитує, и я сигурна же публика попука од шмиху.

Кед ше шмих и штуханя закончили, предлужена догварка о велькей програми у котрей будзе кажди зос класи на даяки способ участвовац.

* * *

На тей програми бул и я. Случайно сом зашол кед сом чул шмих у сушедовим дворе. На капурки сом заплацел карту и завжал место на превраценим гордове у остатнім шоре. И кед сом видзел програму, не побановал сом же сом плацел дзешец динари. А кед ми на мойо навальоване еден хлапец таїнствено пошептал прецо програма виведзена, сцел сом купиц ище карти. Не дали ми их, бо ме, гваря, „пречитали“. Не примаю милодари, гваря. То їх товариш, а не мой. А вони способни заробиц за свойого товариша. Ми старши, гваря, погришне воспитани. Даме милодар, а век огваряме. „Жада пан, можебуц, да му укажеме биднятко за котре збераме пенєжи же би го орошел зос своїма милосердними слизами?“ — сичала на мене една дзивочка зоз златима канджурками на чолє, а цала ше зачервенела од своїх пращацих словох.

А я знам прецо виштрельовала на мене рафали експлозивних словох. Неправо ей було же сом дознал прецо правели програму. То була їх тайна. За ню не зналані Владко, котри и сам участвовал у програми. Прето тота мала з канджурками, Вира, як сом познейше дознал же ше вола, так гнївацо бешедовала, так енергично одбила мою помоци так штреляла доокола з очми по своїх товаришох же би нашла зрадніка.

Пробовал сом з франту вигласкац ствар и швидко сом пошол дому.

А одного дня сом насамо стретнул Вирочку. Приблїжовала ше гу мне, але ишла по другим боку улїчки. Сцел сом скричац на ню док дойдзе блїжей и повесц ей же бим ше задар: „Вирко, правела ши ше важна после програми, а идея о програми прето да ше помогне товаришови не твоя. Вишпиртала ши ю зос кнїжкох, я то знам, бо сом пречитал дзешка цошка подобне“. И уж сом задумал як ше знова будзе правиц важна, як дзвигне свой писи ноцок и одбегне не оглядаючи ше.

Але було цалком иншак. Кед ме збачела, пребегла преїт улїчки и нашмеяно поздравкала:

— Добри дзень, добри бачичку!

— Добри дзень, Вирко — станул я несподзивани и попатрел сом до ей шветлих очох. — Озда ме ше здогадуєш?

— Як бим ше не здогадала. Ви вельки приятель уквилених худобкох — франтуюци гварела и сладко ше нашмеяла.

— Слухай, Вирочко, я то не думал зле... я лем сцел помогнуц... — попутал ше я до словох.

— Знам, знам, и дзекуем вам. Крашне зме ше преведли на екскурзиї... И Владко ше приемне чувствовал медзи нами.

— Мило ми...

— Придзце знова на програму до сушедового двора, — гварела вона и додала — добиваце карту задармо. Людзох з вельким и розумним шерцом пуцаме задармо.

Одбегла по улїчки скорей як цо сом ей сцигол дацо повесц. Аж сом ей ані на поволанки не задзеквал. А могол сом ше ей понукнуц да и я участвуем у програми. Знам бугновац до шерпенкох и гарчкох и грац на погарох з воду.

Мушим ей то повесц док ше знова стретнем з ню.

ШМЕЛИ

Ище сом ше шорово не упознал з новима товаришами у школи, а уж ми почали упрекосциц же мам хромого пса. Особено бул допити Дюри, котрого волали Ирга. Вон виду-мал и стишки котри перше вон, а вец и други дзеци кричали за мну.

У Михала пес калїка,
обидвومه баш су слика!

Стишки очивисно не були добри, але я бул увредзени. Да ше застановели лем на тим, можебуц бим и прецерпел.

Едного дня почали руцац до мойого пса, до Шмелого, груди. Я бул у хижи и видзел сом их през облак. Ирга вжал аж и пол цегли, та руцел преїг проща. Вон, мудрец мой, одскочел на бок, а вец ше обрацел и одшкинтал до гумна ягод да им сцел з тим повесц:

— Мудрейши попущуе. Пребачце, але сце на тот завод випадали прави осли.

Я ше так нагнївал же сом вибегнул на капурку порихтани биц ше. Хлапци сцекли не чекаюци да дойдзем гу нїм. Можебуц то и лепше. Я не таки моцни же бим могол раховац на сигурну побиду.

Ютрედзень у школи дзепоедни попатрали на мене спод ока, а Ирга такой на першим одпочивку пришол гу мне та гвари:

- Вщера ши бул порихтани биц ше з нами?
- Можебуц! — гварел сом и попатрел му до оч.
- Пре едного хромого пса?!
- Гей, пре ньго!

— З нами шицкіма?!

— Гоч да вас іще тельо було!

Ірга вешто плюгнуў праз рідкі зубы і прейг плеца гварел хлапцом:

— Прави ше, смаркати Сримец, важні!

Не было ми до звады, та сом ше обрацел і сцел сом пойсц. Ірга ме хвацел за плечо і обрацел гу себе.

— Чекай, герчку таркасти, іще зме не пречисцели рахункі!

То ме так увредзело же сом сциснуў песці.

— Доўу пазуры, Ірго! — скричал сом і одрылел му руку.

Шицкі ше рушели гу мне. Чувствавал сом ше ягод обколена жвир. Коло мне бліскалі непрыяцельскі попатрункі і сцискалі ше песці. Кед ме Ірга вдерел медзі очи, шицко ше коло мне заколісало і почало бежац горобздом. Затресол сом зоз главу і пришол кус гу себе. Рупел сом ше на Іргу, котрого сом збачел пред собу, і лем сом осетел як ми зацёрпли членкі на пальцох од моцного вдереня.

Час сом буў доўу, час горе, бил сом на шицкі бокі і з шицкіх бокох буў бити. Не йойчал сом гоч ме уж цале цело болело. Ёх было вельо і буў сом шорово побити. Хто зна докля бі тотя неровноправна бітка тирвала да не забрэнкля брэнчок. Я го не чуў, лем сом нараз остал сам. Подомну буў Ірга, я го абшэдлаў і кричал сом:

— Прадавач ше? Гутор чи ше прадаваш?

Вон задзвал нос до травы, з рукамі заклонел главу і стукаў.

— Прадаваш ше?!

Одразу сом осетел же ме хтошка дзвіга. Махал сом з рукамі і з ногамі по воздуху док ме не спуцел на жем.

— А, негрее когуцिकाсти! — виквицоваў послужитель — та прето ви до школы ходзіце? А, чекай-ле док войдзеце до класі!

Ірга не чекаў да і його послужитель дзвіга. Вимкнуў ше і сцекол як сарня прескакуюці по два гарадичі. За нім ше пуцел і я, а за нами послужитель як даяка стража. Лем же послужитель не пришол за нами до класі, але просто до зборніці рапортирац учительові.

Кед учитель вошол до класі, булі зме мирнейшы як звичайно. Такой з дзверох, лем цо попатрел по класі, почал

преволовац шицких цо участвовали у битки. То анї не було так чежко, бо кажди мал даяки видлїви шлїди битки на себе. Мене око було збелавене, Иргова гамба опухла як пампушка, єден поцаговал з розбитим носом, а други дармо ліпкал одпарани рукав на рекли.

Шицки зме стали пошоровани опрез табли и патрели на верхи своїх ципелох.

— Прецо сце ше били? — питал ше учитель и мерал нас строго.

Шицки зме були цихо.

— Хто перши почал?

Було ми на верх язика повесц же ме Ирга перши вдерел, але сом ше такой предумал. Да не вдерел вон мене, вдерел би я його.

— Нєми сце, чи цо? — нагнївала учителя наша цихосц. — Дюри, — гварел вон Ирги — прейдз тадзи! Хто бул з нїм, най прейдзе гу ньому!

Штирме прешли. При мене остал Владко, пайташ з котрим сом шедзел у лавки. Очухнул до плеца розоцате ухо и ошмихнул ше на мене. Я крочел блїжей гу ньому и сциснул сом му руку так да учитель не обачи.

— Гм! — гварел учитель и одмерал обидва групи. — Гм, на цо то здабе? Пейцме на двох!

Прешол опрез нас и мерал каждого ягод кед официре верша смотру над войском. Вец ше застановел пред Штефаном и несподзивано скричал:

— Прецо ши ше бил?

Штефан кліпкал як жаба у помийох и наостатку превалел:

— Модлїм... модлїм, не знам!

— Го, людзе мойо, — зачудовал ше учитель — нос му як квашена огурка, а нє зна прецо ше бил! Дюри! Гутор! — станул вон при Ирги.

— Модлїм... модлїм, Сримец почал! — гварел Ирга и упар палец на мене.

— Нє Сримец, але Мижо Хованцов — виправел го учитель, а вец пришол гу мене. — Ноле, най чуєм!

Я спушел главу и гварел:

— Рушали ми пса. Мой пес калїка, а вони груди руцаю до ньго.

— Пре єдного пса, и ище каліку, побил ши ше з товаришами котрих ши ище анї не упознал шорово? — зачудовал ше учитель.

— Я волїм свойого Шмелого як таких товаришох — гварел я. — Вони ми ище ніч добре не зробели, лем упрекосца.

— А Шмели?

Попатрел сом на учителя, бо сом у його гласу почувствовал цошка цепле и приемне. Патрел на мене обчекуючи одвит.

— Шмели зробел... Шмели не обични пес... — почал я загакуючи ше.

— Ноле нам поведз чом так любиш свойого Шмелого, але крашне, помали — гварел учитель и, же би ме ошмелел, склонел ми власи з узноеного чола. — Поведз чом го любиш, та го можебуц полюбя и тоти цо до нього груди руцаю.

Я ше здогаднул живо каждой поєдиносци и почал сом приповедац.

— Шмели скорей мал обичне псовске мено. Волали зме го Чарни. Нешкайше мено достал после єдней подїї у котрей го цалком заслужел. Наша хижа була под брегом при леше. Часто сом одходзел до леса зос Шмелим по сухи конари. Шмели нюха доокола и оганя заячки, а я зберам конарчки и складам их до снопа. Кед назберам досц, загвидам на Шмелого и рушим ше дому. Вон охабя веселе оганяне по леше и бежи за мну. Дзекеди сом му, кед вистанем, кладол сноп на хрибет, а вон послушне неше гоч видзим же му чежко. О мали час я знеем з нього сноп, а вон весело бреше ягод да ше радує же ми голем кус помогол.

Раз вжиме остали зме през древа. Було вельки пняки, але их я не могол пощипац, а мац була хора. Отец ми робел на надніцу при сушедним валале, оправял калдерму, и не приходзел по даскельо дні дому. Ришел сом прето пойсц до леса по сухи конари. Шніг не бул вельки, лем було жимно, бо бул мраз. Одвязал я Шмелого и рушили зме. Зашли зме глібше до леса, бо коло крайох уж було визберане. Досц швидко сом назберал снопчок и такой сом ше рушел дому же бим цо скорей розкладол огонь.

Нараз Шмели почал нюхац воздух и гнівацо мурчац. Пред нами, дас на пейдзешат метери, стал у шнігу вовк.

Дихцел, а упаднути вигладнети боки му немирно скакали. Змурчал, а вец дзвигнул главу и почал страшне завивац. Знал сом — доволуе чупор да ше руца на мене и Шмелого. Здалеки, з правого боку, чул сом исте таке завиване, або то бул лем одгук його гласу у леше. Заслупнути ноги нараз ми ожили и я почал сцекац не думуюци вецей ніч. Сцекал сом на ліво през лес же бим ше до скорей спуцел на драгу. Од страху ми ше видзело же лес бежи коло мене, а я же стоім у месце. Древа прелетовали и я ше старал же бим ше не збил з німа.

Не сцекол сом ані сто крочаї кед сом ше пошпоцел на єдну жилу. Котулял сом ше кус з брега, а вец сом чул за собу гласи од котрих ми власи горе сгавзали. Кед сом попатрел назад, видзел сом як ше Шмели и вовк руцели єден на другого. Живе клубко ше котуляло гу мене, а вец ше застановело при єдним древе. Вовк ше дзвигнул перши, вимакнул ше даскельо крочаї и з нову силу налецел на Шмелого. Розпирскал ше шніг коло ніх, дзвигла ше хмара од шнігових грудкох, а о мали час були заш роздвоєни. Шмелому зос сцегна цекла крєв. Крашне сом видзел червени шпляхи на шнігу и сцєрал сом слизи не думуюци вецей на себе и сцекане. Але Шмелого не збунєла рана. Руцел ше несподзівано на вовка и зарил му зуби до карку. Вовк ше руцал, пробовал ше витаргнуц, але го Шмели не пуцал. Видзел сом же сциска з остатню силу, же вецей не ма моци, але сом му скричал:

— Не пуцай го, Чарни!

Випатрало ми ягод да гнївацо попатрел на мене же сом нице гу, же сом не сцекол, але му то озда и помогло да нице позбера тото кус сили у себе да окончи з вовком.

Кед го пуцел, вовк остал лежац мирно на шнігу з нацагнутима ногами. Шмели стал кус над нім, а вец весело помахал з хвостом и прибегнул гу мене. На пол драги ше заплянтал и спаднул. Кед сом прибегнул гу ньому, вон почал скичац ягод да ше у исти час и радує и поносує. Бул на велїх местох покусани, предня нога му мертво вишєла, а на боку му була одвалєна скоро и видно було живе месо.

Хвцел сом го на руки и почал бежац. Бул чежки, але я достал якуш незвичайну силу. Падал сом, путал ше до конарох, але сом мерковал да не повредзим Шмелого гоч

ше и сам повредзим. Випатрало ми ягод да сом велі годзини бежал зос Шмелим на рукох док сом ше не спушел на драгу, а вец по ней дому. Кед сом на концу сцигол, бул сом цалком вистати, але непреповедзено щешлїви же Шмели жиє.

Пополадню пришол оцц. Вон лічел Шмелого и Шмели неодлуга виздравел. Рани ше му заговели, але остал калїка. Предню ногу не може хасновац, а и задню кус зацагує. Гоч є тераз не красни таки окалічени, вон заш лем найлепши и наймудрейши пес котрого я потераз видзел.

Даскельо хвильки владала цихосц у класи кед я докончел приповедку о Шмелому. Перши ше озвал учитель. Попатрел обидва неприятельски групи и лем поцихи гварел:

— Идзце на места.

Пополадню, як по догварки, товарише зос класи ше почали зберац до нас. Такой з капурки понагляли гу Шмелому и гласкали го по длугей чарней шерсци. Дахто му принес и лакотки, а Ирґа вицагнул з кишенки длугу колбасу и положел ю пред Шмелого.

А Шмели, мудерец мой, смакує себе и благо патри на моїх нових товаришох радошне махаюци з хвостом.

МИЖО СКАПАЛ

Мегки вечар закрива варош оквицени з веліма шветламі. Обрацаюци на угле, автомобили обліваю зос шветлом високе на пейц штоки здание пред котрим ше ище бавя невестати дзеци.

— Мижу, Владку!

Єден хлапчик дзвига главу гу отвореному облаку на штвартим штоку и модляцо докричує:

— Ище лем кус, мамо!

— Нескоро уж! — твардо заключує мац тоном котри не церпи пригварки.

— Нет ище Мижал! — не да ше Владко. — Дочекам го, та ведно войдземе.

После дваецц минути група дзєцох ше почала осиповац. Розходзели ше дому на вечеру и одпочивок. Пред хижу остал лем Владко обчекуюци старшого брата.

— Дзе ше затримал тельо! — думал вон. — Але тот будзе лати!

Одбегнул по угел, пребегнул преїг улічки и закукнул до малого парку. Доволовал го кричаци бояжліво до цмоти дзверох, але одвиту не було.

— Сигурно є у „бази“ — заключел Владко и понаглял гу нїзкей шопки на старей площи за тенис. На ровним закрицу тей шопки була „база“ хлапцох з околних уліцох. Ту ше каждого вечара приповедали страшни приповедки, славни дожица, або старши хлапци пробовали щєсце на картох. Площа була нїжей од уліци та ше на шопку з кус схопносци легко ускаковало.

Владко ше видзвигнул на пальци и обачел даскельо глави коло батерийскей лампи.

— Мижу, гайде дому! — скричал вон прешвечени же го нашол.

У групи настало кормацанв. Цошка ше швидко зберало и скривало, а вец ше и шветло загашело.

— Ага, поведе мацери же ше карташ! — скричал оштроумни Владко.

Хлапци у групи уж пришли гу себе.

— То якишик смаркош — з олегчаньом пошептад еден вельки. — Слухай ти, хробачку! Бер ше дому док сом це не пошкрабал там дзе це не шверби! — скричал вон Владкови.

У Владкови бовкло упрекосцене:

— Е, баш ши сила! Злекол сом ше аж ми запетки цвенкаю!

Вельки облал брідко и цошка засичало коло Владковой глави.

— Ей, не мою ципелу! Ледво сом дошол до ней! — пресичал еден зоз групи.

— Лапай го живого! — злярмал други зоз групи и скочел зос свойого места. Владко нараз премерал як далеко по його хижу на угле и заключел же их муши даяк затримац голем на хвильку. Нагло ше схилел и долапел камень котри осетел под ногу.

— Меркуууу!... — скричал вон з полным гласом же би збунел противніка и же би розогнал страх котри ше зберал у ногох. Випатра же добре потрафел, бо хтошка придадено зйойчал у цмим на закрицу шопки, але у исти час осетел и Владко боль у лівим плечу. Схилел ше же би долапел предмет з котрим є потрафени и несподзивал ше кед видзел же и то ципела. Хвацел ю и почал сцекац. Так у бежаню долапел и другу котра лежала на калдерми. Зос тим военим пленом сцекал прейг трави прескакаюци слупчки и дроти. За нїм дубонели крочаї противнікох, але вон щешліво скруцел за угел и убегнул до капури, просто до наруча тлустей домарки, котра праве ишла замкуц уходни дзвери.

— Карк зламеш, козо незажегнана! — стукала вона гнївацо.

— Сцу ме биц! — гварел вон загакуюцо и у страху попатрел на уход.

— Хто то заш? Най их я видзим! — Охранебно го заклонела вона и пошла гу уходу. У тим чаше на уходзе ше зявели двома старши хлапци. Задиханих и квичащих домарка их влапела за плеца и видриляла вонка не шпоруюци слова на рахунок їх справованя и випатрунку.

— Бетяре, збойніци! Блукаце по ноци и дочекуеце чесних хлапцох, буяци незажегнани!

— Най ми враци ципели! — гнівацо гледал еден. — Вон збойнік! Дай ми ципели, клиньо, бо це замрачим!

— Е, вера их не достанеш! — упрекосно му доруцел Владко и сцекол по гарадичох.

— Врац му ципели, Владку, та най идзе з милим богом! — скричала помирліво за нїм домарка не знаюци на чийм боку teraz треба буц.

— Руцим му их през облак! — озвал ше Владко з трецого места за одих.

Такой з дзверох нагнівана мац го дочекала з питаннями:

— Дзе блукаш по ноци? Дзе Мижо? Чийо ци то ципели?

— Ту едного — дал одвит лєм на остатне питанє. — Сцел ме биц кед сом гледал Мижа.

— Га доже ши их носел горе? Такой да ши му врацел!

— Руцим му их през облак. Вон чека долу.

Мац вжала ципели и заслупла у чуду.

— З ким ши ше то бил?

Нашвидко Владко виприповедал цалу подію, а при краю му швитло пред очми:

— Га гевтот обути цо гвари же його ципели!

Мац попатрела обидва ципели зоднука и обачліво ше стресла.

— Поме долу, я му их врацим.

Вона познала Мижово ципели, бо з нукашнього боку були початни букви його мена котри вона писала. Стресла ше при думки на найгорше. Ноц ше уж давно спуцела, а Мижа нет. Зос страхом зиходзела по гарадичох.

Пред дзверми teraz були троме хлапци. Вадзели ше з домарку и навальовали да войду. Еден бридко лал Владка и указал свойо збелавене колєно.

Владко з мацеру сцигол пред уход праве кед хлапци грожащи ше и лаюци сцели рушиц.

— Чекайце, дзеци! Одкаль вам тоти ципели? — пита-ла ше мац.

— То мойо ципели! — безобразно гварел гевтот з вдереним колёном и сцел вжац ципели.

— Ципели не твойо. Сцем знац чи ши их нашол, чи ши их украднул?

— То ше вас не дотика. Ципели мойо, а того смаркоша претлучем док го влапим!

— Поволайце милицию — замодлела мац домарку. — Мижо скапал, а то його ципели. Мушим дэзнац цо зоз нїм. Дзечи, — гварела вона заш хлапцом — поведзце ми, модлїм вас, дзе ми син, одкаль вам ципели...

Хлапци уж швидко одходзели. Вельки ше лём обрацел и плювнул през зуби и гварел:

— Гледайце ви вашо щене. То не наша работа.

Мац дармо кричала за нїма. Вони неодлуга понагляюци скруцели за угел.

Такой почало гледане. Уж велї зос сушества були пре лярму знемирени и неодлуга ше приключели мацери, домарки и Владкови котри закуковали до каждого куга. Мацер найгорши думи одведли аж на Дунай, але од Мижа анї шлїду. Зос Капетанїї телефонирали милициї и розпитовала ше у болници подумуюци на транспортне нещесце.

Зламана и виплакана врацела ше назад и — нашла Мижа на уходзе. Стал як покойнїк и слухал наказованя вельочислених сушедох.

— Мижу — скричала вона, а слизи олэгчаня прекрили гнїв.

— Украдли ми ципели... та сом не шмел... — давел ше Мижо у слизох.

— Я го пренашол, мамо! Скрил ше до пиньвици... — сцел ше похвалїц Владко, але го нїхто не слухал. Шицки слухали и патрели лём на Мижа.

ГОМБИЧКА

Кед ше врацал зос школи, Мижо вше бежал по гарадичох. Мац ше гнівала прето, а ище ше баржей гнівала же би за тим такой улецел до кухні охабяюци за собу отворени дзвери.

— Мамо, готови полудзенок?! —

— За гайдука нет полудзенок! — одрубовала мац.

— Га я гладни. Вонка ме чекаю товарише!

— То не досц велька причина же биш фуркал по хижи як буря!

— Уф, вше ти! — гнівал ше Мижо. — Ідзем лем повесц Штефанови дзе да ме чека.

— Идз, але не забудз же ше нашо дзвери не завераю сами, и не дочекай да це заш гледам!...

Претарговал би ю лопот дзверох и дубонь по гарадичох. Мижо нігда не вислухал до края мацерово розкази.

Мац и нешка була у кухні у чаше кед Мижо приходзи зос школи. Чудовала ше же го ище вше нет.

Одразу чула на гарадичох непознати крочаї, спомалшени и чежки.

— То поштар, — подумала вона — сигурно маме писмо. Або инкасант за струю; и вон треба да придзе тих дньох.

На дзверох кухні зявел ше Мижо.

— То ти! Думала сом же дахто други.

Поцихи завар за собу дзвери и почал одкапчовац реклу не патраци на мацер.

Мац ше влапела знова до роботи, але ше нараз таргла.

— Мижу, цо тебе? Хори ши?

— Не... не хори...

Остатня гомбичка ніяк да ше одкапча. Мижо прициснул дакус баржей и вона му остала у руки.

— Цошка ши ми бляди. Болі це глава?

Мижо патрел на чарну гомбичку на своєї длані, а очи му ше наполнили зос слизами.

— Пале цо ми! — заплакал вон указуюци гомбичку на длані.

— Га прето не треба плакац. Зашием ю з моцнейшу цверну та не одпадне.

— Гей, а да сом ю страцел, ти би ме лала! — поцаговал Мижо з носом преврацаюци по кишенках же би нашол хусточку. — Ти ме вше лавш... вше ме лавш... — заплакал вон и обрацел главу до угла.

Мац го ледво умирела и такой вжала иглу и цверну да прише гомбичку так же би нігда вецей не одпадна.

— Идз, Мижу, ище кус гу товаришом док оец не придзе. Лем меркуй да це не мушим гледац.

— Не ишол бим. Идзем до хижи та будзем учиц — гварел Мижо и погнутей глави вошол до хижи.

— Хто би подумал же є таки осетліви. И таки шорови, — подумала задовольно мац и предлужела рихтац полудзенок. — Миле мойо дзецко, баш го мушим похваліц пред оцом.

Оец пришол дому кус познвіше. Мижо уж шедзел за столом, а мац приношела едло.

— Прецо тото нашо дзецко уплакано? — питал ше оец кед видзел як Мижо щупени шедзи на край карсцеля.

— Подумай, гомбичка му одпадна, а вон до плачу. Злати мамов син, вон будзе на мне, иста мац! — розніжела ше мац, але ю оец прервал:

— Но, но, не видумуй и ти тераз! Мижу, — обрацел ше вон — ншка сце оцени добивали. Ноле укаж мацери же ши голем у ученю татов син.

Мижо не покормацал на карсцелю, але не пошол по кніжочку.

— Цоже? — таргнул ше оец. — Заш маш тройки? Мижо лем кивнул з главу.

— Маш их голем меней як скорей?

— Ага, тераз мам лем пейц — прецадзел Мижо не дзвигаюци главу.

— Єдна заш лєм виправена! — зрадовал ше оец. —
Чи з математики?

Мижо прелїгнул шліну, накашлял ше, але не гварел
ніч. Кед ше оец знова питал, Мижо спуцел ище нїжей
главу и гварел з якимшик придавеним гласом:

— Зоз математики мам єдинку.

Ягод да прасла бомба. Аж ше Мижо таргнул од свойого
гласу и злєкнуто попатрел на оца и мацер порихтани скочиц
гу дзвером.

Мацери швитло пред очми: „А, тотя тебе гомбичка
одпадла!“ и порихтала ше бранїц сина.

Але оец, желєни од гнїву, лєм гварел:

— Як себе посцелїш, так будзеш спац!

Того дня владала незвичайна цихосц у Мужовим обисцу.

ЦЕЗАР

Наш сушед, бачи Влада, бул ловар. Часто сом од нього доставал заячи хвости, а кед сом почал ходзиц до школи, його старши син Штефан дал ми заячу ногу и гварел ми да ю вше ношим зос собу до школи та будзем мац щесца. Ношел я тоту ногу у кишенки, але сом пофришко заключел же ме Штефан спред, бо я и з ногу и през ней кажди дзень стал у куце, а даскельораз учитель и з моім оцом бешедовал о моім справованю, та сом ледво живи остал помедзи двома огнями.

Бачи Влада бул барз добри человек и, гоч Штефан и Андри, младши бачиково синове, були вельо старши одом-, не, я вше бул у ніх. Помагам чи бачикови, чи Штефанови або Андрийови робиц по дворе, а вони ми вец даю да ше бавим зос Цезаром. Цезар вельки ловарски пес бачиков. Вон так розумел кед му ше дацо розкаже же я вельораз подумал же Цезар мудрейши од Штефана. Кед сом то раз гуторел Андрийови, вон ше аж за брух лапал од шмиху, а вец сом мушел сцекац на други бок улічки кед сом обачел здалека Штефана.

Раз вжиме, лем цо сом станул и почал одметац шніг у дворе, чул сом як Цезар бреше на драже. Вибегнул сом вонка же бим ше з нїм кус пооганял по глібоким шнігу под облаком. Вон стал при капурки и брехал, а кед ме обачел, почал скичац и якошик чудне завивац. „Цезар, замну!“ — скричал сом му и побегнул до шнігу, але вон лем попатрел боком на ме и предлужел брехац и скичац. Випросцел ше на задні ноги, а з предніма прицискал клянку же би отворел капурку. Капурка була замкнута.

— Га кадзди же ши вишол? — питал сом ше му, а вон нагнівано брехнул. Думал сом же ше на мне гніва и було ми неправо, але кед одбегнул гу облаком и почал з предніма ногами драпац по облашніцох, розумел сом же ше гніва на замкнуту капурку.

Да ше цезар сцел бавиц, я би ше радовал же го не можем пущиц нука, але сом видзел же ше йому понагля войсц та сом задуркал до облашніци. Озвала ше сушеда и кед чула же Цезар пред хижу зйойчала лем: „Яй, матко моя!“ Чул сом ище лем же скричала на Штефана и Андрия, а вец сом чул бегане по дворе и по конку. Перша ше на капурки зявела сушеда, бляда и престашена, а за ню Штефан. Цезар скочел з предніма ногами на сушеду и, видзело ми ше, жалошне заскичал, а Штефан го, так випросценого, хвацел за одну ногу, прицагнул го гу себе на перши и патраци му до оч гварел:

— Дзе оец?

Глас му бул тварди, а твар така озбыльна же то вецей не бул гевтот Штефан котри зомну вше франтовал. Кед Цезар чул питане, вирвал ше зос Штефанових рукох и почал бежац. Одбегнул даскельо крочаї, а вец ше врацел, а вец заш бегал и врацел ше. Мне ше видзело же ше Цезар бави, але го Штефан розумел. И я го розумел кед хвацел Штефана за надраги и кед го почал цагац.

— Дзе же пошол бачи? — питал сом ше сушеди, але ми вона не мала кеди одвитовац. Штефан уж убегнул нука, сушеда кричала на Андрия да прага до санкох, а я думал же сом годзен буц од помоци, та и я вошол до двора. У часу бул ошедлани Путко и Штефан вискочел на нього. Не було кеди отверац капурку. Розиграни Путко не сцел висц през капурку, але кед сом му дал з метлу, вилецел як виштрелени. Штефан скричал на Цезара: „Водз ме, Цезар!“ а вец ище кричал и мне цошка, але я розумел лем же Андри треба да идзе по Путковим шліду и же цошка да вежне. Цезар бежал напредок, а Штефан на непослушному Путкови за нїм. Шніг вилетал спод Путкових копитох и я зажадал да сом на Штефановим месце.

Андри прагал Миру до санкох. Кед сом му гварел же треба цошка да вежне, лем же я не знам цо, вон ше задумал и гнівал ше на мне же сом не слухал добре.

Помогла нам сушеда.

— Вежні слами до санкох. Кед го привесц мушиш... — ту ше заплакала и не докончала нач би слама була. Плачуци убегла до хижи и о мали час ше врацела з бачикову бунду. Вец ище даскельораз уходзела до хижи и приношела койцо. До остатку зруцовала до санкох и таке цо цалком не могло буц од хасну нікому, а найменей човекови у опасносци. Обачел сом еден ланц при хліве, та и я сцел буц од помоци и уруцел сом го, з вельо оправданя, до санкох. Ище вше я не знал цо зоз бачиком, а по шицким сом заключел же цошка опасне. Найопаснейше за мене — крадоше и збойніци, а їх треба повязац до ланцох. Прето сом го и руцел до санкох, най ше найдзе при рукох Андрийови и Штефанови. И праве сом задумал як ше Андри и Штефан пасую по шнігу зоз збойніком котри нападнул бачика кед ме Андри штухнул до бока:

— Скакай до санкох, цо чекаш!

Скочел сом не роздумуюци ніч, але кед зме уж були на драже, я ше знова здогадав збойніка и пасованя.

— Андри, чом ши не вжал пушку?

— Оец ю однес.

— А кед збойніци нападли бачика?

— Яки збойніци! Дзе ци збойніци у нашим хотаре? Вони у лесох, а не ту у ровніни!

Тото ме дакус змирело, але кед сом обачел же ше Андри почал немирно кормацац и оглядац, цошка ми ше загужлело у гарле. То и Андрийови було лем петнац роки, та ані вон баш не бул сигурни дзе ест збойнікох, а дзе их нет.

Кед зме були при остатніх хижох, Андри ше цошка змирел, повед бим же ше глібоко задумал, и вец несподзівано застановел коня.

— Скакай долу!

Попатрел сом на ньго зачудовано.

— Скакай и беж дому! — скричал вон знова, а вец благше, як да гледа пребачане, гварел:

— Може там буц и опасне. Хто зна. Идз ти дому. Я мушим, мой оец там, а ти... идз дому.

Мне слизи вдерели на очи. Не знам чи прето же ме гнал дому, чи прето же сом сановал його же идзе до непознатей опасносци ратовац оца. Андри бул побри як бачи Влада.

Вон зомну вше бешедовал озбыльно, як да зме едних рокох и правел ми париді и стрели. Несподзвано я почувствовал же мушим остац з Андрийом. Най будзе цо будзе, останем з нїм! Прето сом му гнївацо одрубал:

— Цо ше правиш важни! Гонь! Штефан нас, можебуц, уж чека дагдзе.

Андри ше ошмихнул, попатрел до санкох, и з руку намацал льовч.

— Пать, мац и зламану льовч руцела до санкох. Запаметай дзе стої же бизме ю не гледали длуго кед затреба.

Чмигнул коня и ми предлужели. Не було чежко исц за Путковим шлїдом. Шнїг бул цали, не було други шлїди окрем Путкових и Цезарових. Мира, одпочинута и добре укармена, просто плївала по билей поверхносци. На преривацо Андри ми випривоведал же оцц ище вщера по полудзенку пошол на лови. Пошол сам зос Цезаром. То не першираз же вон не пришол з ловох на спане дому. Часто вешенї оставал дагдзе на салашу преспац, а вец рано предлужовал ловиц. Думали же так було и teraz. Кед видзели вечар же го нет, такой подумали же дагдзе остал. Лем мац, по обичаю, дудрала же ей бригу задава з тима його ловами. Хто ше могол наздавац же рано Цезар сам придзе дому... То ше ище нїгда не случело. Раз ше бачи Влада дзешка на салашу у дружтве напил и таки пияни ше рушел дому. Вон анї не бул барз пияни, лем не навикнул на напой та му одняло ноги. Ишол и падал, але му Цезар не дал мира. Накадзи би ше звалеєл, Цезар би го такой цагал, лїзал и брехал му при уоох догод не стане знова. Так го допровадзел аж дому. Вец ше Цезар врацел по пушку, котра остала дзешка у драже.

Тераз Цезар пришол сам. Значи же ше бачикови случело дацо кед го Цезар не могол допровадзиц.

Досц зме длуго уж ишли през поля кед зме обачели Штефана. Дас на два гони далеко бул якишик багренов лешик и там стал Штефан и махал на нас. Андри потераз гонел по дильовох, а teraz вдерел прейга по польох. Шнїг бул груби и санки добре ишли, а Мира понагляла гу Путкови котри регочал.

— Ту е! — скричал Штефан ище з далека, а кед зме вискочели зос санкох, одвед нас до лешика, гу едней дзири над котру було густе коровче з котрого бул стрешени шнїг.

— Оцец! — скричав Андри знемирено и ослухнуў над дзiру. Од долу, як спод жеми, чуў було стукане, а вец слаби глас:

— Ой, сiну...

Я цалком през причини пачав плакаць, а кед на бачиков глас Цезар пачав радостне брехаць, я ше пачав давиць у слизох.

— Випрагуй Миру, штранги нам треба! — гварел Штефан а я ше здогадаў ланца котри сом руцел до санкох за збойніка. Швидко зме знялі штранги зос штверци, додали зме ище и ланць, але Андри сумніво замахав зос главу:

— Кратке то будзе!

Пошпиртал сом по слами у санкох, але сом не нашол ніч вецей цо би нам похасновало. Ту буў и млаток, и торба з едзеньом, аж и еден ошельнік и фалат льовчи, але штранга не було.

— Пробуйме з тим! — гварел Штефан. — Можебуць не глібока студня. Оцов глас слаби та випатра же в глібоко.

Ту, дзе буў лешик дакеди, буў салаш. Салаш уж давно повалены, а студня остала незагарнута. Була дакеди оградзена, але паланки хтошка однес, коло крайоў вырасло коровче и, кед шніг напавал, легко ше було спрevesць и упаднуць до нэй. То ше случело, ни-а, бачикови Владови. Ратоване ишло помали и барз чешко. Штефан ришел же зидзе долу. Завязали зме еден кенець паньваша за найблiжши багрен. Розгарли зме коровче и поламали го да не завадза. Вец ше Штефан пачав спущоваць. Чулі зме кед ше питав оцови чи е ище далеко. Одвит зме не чулі, але зме чулі кед Штефан гварел же уж кенець паньваша.

— Егей, Андри! Одвях паньваш та тримайце у рукох! — гварел нам Штефан. Вон сигурно став роцакнуць на бокох студні док ми не одвязали паньваш. Влапели зме обидвоме кенець паньваша, котри зме накруцели на руки и явели зме Штефанови же ше може влапиць. Вон зацагнуў паньваш, але зме чувствовали же ше подпера зногами о боки студні, бо не зацагнуў паньваш цалком. Так сцигнуў озда аж по сподок, бо зме одразу осетели же ше пуцел. Претворели зме ше обидвоме до уха. Чулі зме стукане и глас:

— Рука... рука... И нога, лем не так болі.

— Як вас вицагнеме? — чули зме Штефанов глас.

— Хто там крем Андрия?

Кед чул же лем я, чули зме як здихнул и гварел:

— Не знам, пробуйце даяк.

Штефан длуго цошка робел долу. Гледал да попуциме штранг кельюгод можеме. Прешло досц часу кед наостатку скричал:

— Оца сом завязал попод пазухи. Ви го цагайце, а я вам од долу будзем помагац.

Не знали зме як нам то вон помагац будзе.

Познейше зме аж дознали же у муре студні було дзири и вон ше могол драпац.

Почали зме цагац. Бачи стукал и чувствовали зме як ше дакеди нагло таргне. Сигурно ше зоз здраву руку одбивал од мура же би боляцу не вдерел. Вицагли зме дас метер штранга и далей зме не могли. Облял нас зной. Грожела опасносц же нас бачи уцагне до студні та ше шицки штирме найдземе там на громади. Явели зме им то и Штефан нагнівано злярмал:

— Цагайце, подліни едни! — але випатра же и сам знал же ми справди не можеме лепше цагац, та скричал знова:

— Тримайце, идзем горе!

Вон досц швидко вишол горе. Зос собу принес и бачикову пушку. Надва-натри нам гварел же оцови, випатра, рука зламана и нога барз опухнута у сцегну и же вельке щесце же долу нет води. Влажне, але там цеплейше як вонка.

— Порихтай бунду — гварел мне, а Андрийови дал конец паньваша. — Меркуй, я цагам, а ти лем притримуй. — Вец скричал оцови же почина цагац и розкročел ше над студню.

Штефан бул моцни як медведз. Кед ме дакеди зос франти влапел за главу, цала ми ше глава страцела у його пазурах. Теди бим бул нагнівани на нього, але кед сом тєраз видзел як добре же ма таки гарсци, пребачел сом му шицки неприємни франти.

Кед бачика вицагли, я би сигурно змова почал плакац да Штефан не злярмал на мене;

— Пресцерай уж раз тоту бунду!

Познейше ме вельораз рушал же сом бул порихтани заплакац, але му я врацел з исту миру. Гварел сом му же вон злярмал на мне лем прето же би и сам не заплакал. Випатра же сом потрафел, бо би ме вше после ускубнул за власи и влапел ми главу до своїх пазурох так же сом не могол дихац, а вон лем повторйовал даскельораз: „Не знаш ти ище ніч, ніч ти не знаш“. А и було ше над чим заплакац! Од чола по ухо бачи мал белаву смугу, а око му не було видно. Сигурно з главу вдерел до перших цеглох кед падал. Же му рука була поламана, не було видно, бо мал на себе груби уяш, а и напухнуту ногу сом тиж не видзел, але цали бачиков випатрунок бул таки же сом го не могол познац.

Штефан положел бачика на престарту бунду и сцел му опатриц руку, але бачи гварел:

— Прагайце и гоньце до дохтора.

То було найлєпше цо зме могли зробиц, бо зме и так не мали ніч з чим бизме му помогли.

Док вони прагали Миру, я шеднул на бунду гу бачикови. Видзел сом му по твари яки болї церпи и жадал сом му на даяки способ помогнуц. Сцел сом му дацо красне повесц, але сом лем прешептал:

— Бачи, познаце ме?

Попатрел на мене и видзело ми ше же ше ошмихнул

— Нет заячого хвосцика... Сцекол ми заяц! — гварел и завар око. Завадзал му били шніг и дньова шветлосц. Видзел сом же нацагуе здраву руку на бок и питал сом ше му цо му треба.

— Шнігу... кус шнігу до устох...

Направел сом грудку и дал му. Вон ю цицал и видзел сом же є барз смиядни. Подумал сом же би лєпше було да єст води, а и вон думал о ней, бо гварел:

— Вода... вода... Шцесце же ей не було у студні.

У тим Штефан и Андри попрагали. Озда ище нігда ніхто так швидко не лєцел на санкох як ми теди. Мира була спенєта кед зме сцигли пред дохторову хижу и я ю мушел такой одогнац дому же би ю мой оец очухал. Мой оец пошол по бачика Владу на наших санкох.

Вечар зме шедзели коло посцелї бачика Влади. Шицки ми були вистати од чежкого дня, лем Цезар ше весело яв-

ял у дворе своему дружтву на загради. Бачи Влада ше ошмихнул кед му чул глас и гварел:

— Цалу ноц ме чувал. Упаднул сом вечар кед сом ше врацал. Вон цалу ноц стал при студні и доволовал ме. Кед сом пришол гу себе, кричал сом му да идзе дому. Длуго ме не розумел, а вец, кед ме розумел, брехнул даскельораз и пошол.

— Цезар... Цезар... — додал ище вон и я по гласу познал же кельо го вон любі.

ВЛАДКО ШЕ ВЕЖЕ НА ГОСЦИНУ

Бачи оганял коня, а Владко дрингал за кочом. Хмара праху лежала за німа на дильове прициснута з горучаву. Владко обеговал и з ліва и з права коло коча, але го прах вшадзи давел.

— Бачи, пуцце ме на коч! — плачуци кричал Владко.

Батог засичел през густы воздух и кобула почала бежац скоком, а Владко почал заоставац. Кед видзея жею не годзен вецей здогоніц, почал ше нарату надзерац, а вец, вистати и задихани, шеднул на дражку коло дильова.

Не дар ше вон през причини. Бачи го поволат на госцину гу себе до валалу, а тераз го охабел самого на непознатим дильове през живеј души доокола.

— Моя кобула худа як страшидло, га? Мой коч шмердзи на гной, га? А ти, пане, идз пешо! Пешо! Беж долу док сом ци не утнул з тим пориском по тих паньских плюндрох!!!... Езер кати ци твойо, енки долу. Так, ни-а, тераз най вашо почитоване паньство пробуе дакус наш прости парастки прах. Нацагніце дакус, панцику випирени, својо наводичковани ножки та здогоньце мою здохнуту кобулу. Езер кати ци твойо...

Та чи то шор? Окладол кобулу з обидвох бокох и по ногох та пошол, а вон остал у хмари праху на пустим непознатим дильове.

Можебуц му и не требал так повесц. Лепше би було да му гварел: „Ваша кобула, бачи, кус худа и помали идзе, але зато цага“; або: „Добру кобулу маце, бачи, але би була ище лепша и красша да е кус тлустейша, вец би озда и швидше крачала“.

Але кому ше сче цифровац кед слунко пече, прах щипе очи, а кобула крача чи-би-чи-не и кажди час поставка виганяюци з копитом або хвостом мухи спомедзи ногох и спод бруха. Ценки ножки ше трешу под ню и обчекуеш же ше, кед так дзвигне ногу, сколімба до праху и попута до штверцох як курче до клоча.

Почал вон кобули доганяц ище кед виходзели з варошу.

— Вашу кобулу би, бачи, анї месаре не купели, бо би були на чистей чкоди гоч да им ю задармо даце — гварел вон, але бачи такой загварел з иншим, а баюс му ше даскельораз нервозно кивнул.

И кочу почал доганяц такой на початку, але бачи заш загварел и чмигнул кобулу так же ше вона таргла як да пушка штрелела и место да побегне, вона почала подскаковац лїво-право як да танцуе. Аж кед ей дал по задніх ногох, почала скоком бежац, а коч ошивал з бока на бок дїльова и тресол ше ягод косци у празним меху.

А йому не дал чорт мира. Бешедовал о койчим, але ше му очи становяли вше на оштрих клубох, на заячих удох кобулових, на скудлаценой жовтей гриви и шедластим хрибце. З боку стирчали широко розцакнути ребра, а опущени брux ше у крачаню колїсал як полупразна сламяча.

— Да ей намесцице роги, могла би з ней буц и крава — докладал вон витру до бурї котра ше уж кльохцела у бачикови.

Бачи скашльовал и форкал на нос да себе кус олегча и умири нукашні огонь, але ше Владко з часу на час не могол одняц думом о кобули. Так гуторел бачикови же би добре було да пуци кобулу до кукурици або слунечніку та би анї еден ташок не злецел на польо, бо таке страшидло розплаши шицки птици на километр доокола.

Неодлуга, цалком з добру намиру, застарани за судьбу кобули, поцагнул тото предкладане о страшидлу.

— Не, то би не вредзело. Вона би, така невчасна яка е, такой легла и пси би ю розцагали, бо би думали же е здохліна.

Бачи засичал, зафорчал, а вец загірмел ягод да ше небо превалело.

Владко щерепчал з коча и становел ше аж при ягоди далеко од гузловатого пориска и опасного чмигова. Вон анї не розумел з початку цо то нараз, але чул гевто „пешо!“ и „беж!“, а кед ше становел у грубим праху на дильове, за кочом, хтори ше трацел у хмари праху, зрозумел цалком ясно же муши дацо швидко зробиц же би не остал сам у непознатим краю. Прето почал бежац за кочом, мидліц бачика да го приме, а кед то не помогло, шеднулі з глібини ожалосценого и уквиленого шерца заплакал.

— Не требал сом му так гуториц. Чорт ме опискал да му вше ровно мелем о кобулі — думал вон уж виплакани и улагоєни.

Швижи витрик му розогнал смуток.

— До варошу далеко, а валал озда лем найдзем. Стретьнем людзох у полю та ше опитам. Будзем андьов госц, гу ньому ше анї не озвем.

Посцераł замурцану твар и станул. Обрацел твар на витрик да ше кус розхладзи, але на хвильку стал з отворенима устами злекнути. По небе ше швидко валяла чарна хмара, видзело му ше же є понад саму жем, а поза ней гурчало и дудняло. „Буря, запор!“ — злекнул ше вон и почал бежац. Чувствоваł яго̀д да му тота чарна хмара и цмота, котру вона цага за собу, бежа за петами и бежал вше швидше.

Одразу обачел же є пред крижну драгу. Кадзи тераз? Задихани станул же би добре розпатрел кадзи би мал рушиц, гоч не знал по чим би то могол одредзиц. Пред тим новим препяцом страцела ше шмелосц и вон заш бул готови од гнїву и страху заплакац, але у тим чул глас:

— Тадзи, голубку гачошисти, тадзи!

Драга направо скруцовала поза високу кукурицу, але му анї не було нужно видзиц того цо кричи. Зрадоваł ше, але ришел же ше не помири з бачиком.

Кед дошол по коч, кобула, котра спричинела його̀нєшесце, мирно жувала желену кукурицу не обачуюци го яго̀д да вон анї не страдал пре ню, а бачи ше помирлїво, але ище вше кус заедлїво шмишкал:

— Скакай на тот римбишкил та поме, бо будземе як качата.

Владко ше стримоваł да не прашне до шмиху пребучиков „римбишкил“, але предлужел исц яго̀д да ніч не чул.

— Чуеш ти, вшо надута, не прав ми ше други Лукач, але скакай до коча! — злярмал бачи заш нагнівани.

— Я будзем андьов госц... Не сцем з вами исц — старал ше Владко повесц увредзено, але випадло якошик злекнуто, на плачуцо.

— Скакай! — скричал бачи указуюци з пориском до шорогльох. — Читам до три, а вец нас будзе по кукурицох! €ден...

Владко не оклевал вецей. У часу бул у шорогльох на своей зайдички.

— Так! — задовольно пребурмотал бачи. — Шедз, та ше дуй як пуляк, а кед ци ше зосце, можеш и одфинкац дакус.

Так повадзени, але бешедуоци ишли еден фалат драги. Кобулка дрингала, коч черепчал, а Владко думал же му покрукти поодпадуо, так го тресло.

— Кормацаш ше, га? Тераз би ши пристал да моя здохнута Лиска идзе ногу пред ногу, лем да це не треше, га? Гибай ту на деску гу мне. И так почне такой падац, а маме лем еден покровец.

Диждж почал попирсковац и Владко видзел же мудрейше попущиц. Шеднул напредок, але ище вше кус далей од бачика же би ше не дорушovali. Кед диждж почал баржей падац, бачи заруцел покровец преїг главох себе и Владкови, але обачел як ше Владко одцагуе од нього. Облапел го коло плещох и прицагнул гу себе.

— Ех, ти, твардоглави! Пойдземе пред андю таки повадзени, та цо будзе о нас думац. Пове же зме баби куртошорски цо ше гинто за конті лапали.

Пофришко под покровцом вимирене було подполне.

Кед прешол диждж и кед зняли зос себе покровец, вецей би ніхто не мог повесц же недодавна були повадзени. Владко тримал деплови, а бачи батог. Споли гонели змокнуту Лиску котра чапкала по блаце чежко цагаюци коч.

Же би подполно одклонел причину звади, Владко гварел:

— Знаце, бачи, тераз аж видзим; Лиска добра кобула, але би була ище лепша...

— Знам, знам... Не пачела ци ше док була суха, а тераз, кед е як змокнута квока, нараз ци ше пачи.

— Худа е и помали идзе, але заш лем цага.

— Так видиш, то прави слова за ню. Так треба. Ноле, поведз то ище раз.

Владко повторел, а вец ище додал:

— Хрибет ей кус спущени, але ест коні котрим ище баржей шедласти хрибет, а людзе их тримаю.

— Так видиш, сину мой. Поведз бридку правду, але ю не гутор з бридкими словами кед не мушиш. Шицко того цо ши тераз гуторел значи исте цо и здохліна, и страшидо, и крава, але тераз не боли. Правда, бридка правда, але не опече човека. И я би волел мац красного коня! Чилаша!... Длуга грива, хвост як шлаер, пишно да ходзи. Не да ходзи, не — да пліва, да не видиш чи става на жем чи не. Ех, чилашу мой!...

Бачи патрел дзешка до верха ягодох ягод да там видзи свойого чилаша, а вец чмигнул весело з батогом и гварел:

— Док мам Лису, можем и о чилашови думац. Зароби вона його. Вредна вона, гоч е не велька и не моцна. Добра вона.

Патраци на розвешелену бачикову твар, Владко и сам почувствовал якушик радосц и верел же тота худа, гузловата, але вредна Лиса зароби неодлуга прекрасного чилаша.

ДЗЕЦИ У КОСИДБИ

ЛЕТНИ ВЕЧАР

Цмота ше згусла у приклеце и по хижох, та дзеци оддихли кед вишли на конк. Але пофришко таїнствени гласи з двора и з гумна, соблазни цинї з цмоти заградки вигнали их пред капурку. Пошедали до капурки и випатрали през улїчку чи не обача познати коч, або чи не учую познати черкот їх коча. Цмота за трецу-штварту ягоду скривала шицко, лем спрам шветлого неба було видно округли ко-руни древох и углоvasti щити хижох.

Летня ноц прицисла валал и дзецински шерца ше знемирели.

— Чом их так длуго нет?

Манда притулела гу себе обидвох брацикох и скриваючи недовирие до своїх словох гварела:

— Такой вони приду, лем цо су не ту!

— Я гладни! — почал финкац штирирочни Андри.

— И я гладни! — шепетлїво як одгук явел ше младши Данил.

Гладна була и Манда, але их даяк мушела умириц, бо не мала шмелосци войсц до цмого приклета.

— Кус скорей сце едли, сцерпце ше дакус.

Так им и мац вше гуторела, але то тераз не помєгло. Положела уплаканого Данила на колена, а Андри ей плачуци вохпал ноцок под пазуху. Вона их гласкала и умириовала, а и сама була порихтана заплакац.

— Придзе мац, та нам увари кромплъовой юшки. Данил достане вельку, вельку уварену кромплю, а Андри вельку галушку... А на жиму, док заколеме швиню, шицки доста-неме по вельку колбасу.

— Я сцем колбаси! — гикаюци гуторел Андри до ей пазухи.

— Колбаси тераз нєт. Маю их лєм месаре, а вони за нїх сцу пенєжи, а ми их нє маме. Принєше оцєц з поля вельки слунєчнїк, а можебуц и заячка влапел як теди на яр кед орал. Заячок ма вельки мєгки ушка и мали малючки ноцок, та з нїм роби так: гм, гм, гм, ягод Андри кед плаче.

Хлапци ше кус умирели на слова о заячкови, а мала осемрочна Манда почувствовала з несподзиваньом же пренашла златну нїтку котра застановя плач. Старала ше же би тоту не випуцела, же би ше вона не прєрвала и приповедала им далєй о препилки котра сигурно охабела свойо препилчата пред оцову косу, о дзивих качатох у риту недалєко од поля дзе оцєц и мац коша и о дзивих гушаткох котри вона раз видзела.

Данил наслонєл уплакану твар гү ей твари и його мєгки цєпли лїчка розпальовали Мандову фантазию. Андри ше з початку з часу на час випитовал койцо, а вєц питаня були вше ридши.

Не почувствовала ані сама кеди и вона задримала, бо ше сон надовязал на ей приповедку. Коло ней шуцало узрєте жито далєкого поля у риту, златкасти пчолки шєдали на червєне пипинє у жицє, а там, з другого боку поля, мац одберала за оцом схилєна над одкосом и кеди-некеди махала з руку як да гутори: „Такой сцигнєм гү тебе, Мандо, лєм ти меркуй на дзеци!“ „Не старайцє ше, мамо, ту су обидвомє при мнє“ — шєптала вона прєз сон.

— Матко моя, дзеци поспали у капурки! — застарано гварєла мац кед зишла з коча отвориц капуру...

— Но, нїч. Отвор капуру, а вєц их однєш до посцєлї.

— Гварєла сом вам да понаглямє дому, бо дзеци сами и глєдни!

— Хто би ютрє знова ишол аж до риту лєм прє складанє кед нас чєка другє польє. А дзеци ше сладше наєдза нарано. Упечєш им лепинї.

— Я сцем колбаси! — гикаюци гуторел Андри до ей пазухи.

— Колбаси тераз нет. Маю их лем месаре, а вони за нїх сцу пенєжи, а ми их не маме. Принеше оцц з поля вельки слунечнік, а можебуц и заячка влпел як теди на яр кед орал. Заячок ма вельки мегки ушка и мали малючки нощок, та з нїм роби так: гм, гм, гм, ягод Андри кед плаче.

Хлапци ше кус умирили на слова о заячкови, а мала осемрочна Манда почувствовала з несподзиваньом же пренашла златну нїтку котра застановя плач. Старала ше же би тоту не випущела, же би ше вона не прервала и приповедала им далей о препилки котра сигурно охабела свойо препилчата пред оцову косу, о дзивих качатох у риту недалеко од поля дзе оцц и мац коша и о дзивих гушаткох котри вона раз видзела.

Данил наслонел уплакану твар гу ей твари и його мегки цепли лїчка розпальовали Мандову фантазію. Андри ше з початку з часу на час випитовал койцо, а вец питаня були вше ридши.

Не почувствовала ані сама кеди и вона задримала, бо ше сон надовязал на ей приповедку. Коло ней шуцало узрете жито далекого поля у риту, златкасти пчолки шедали на червене пипине у жице, а там, з другого боку поля, мац одберала за оцом схилена над одкосом и кеди-некеди махала з руку як да гутори: „Такой сцигнем гу тебе, Мандо, лем ти меркуй на дзеци!“ „Не старайце ше, мамо, ту су обидвومه при мне“ — шептала вона през сон.

— Матко моя, дзеци поспали у капурки! — застарано гварела мац кед зишла з коча отвориц капуру...

— Но, нїч. Отвор капуру, а вец их однеш до посцелї.

— Гварела сом вам да понагляме дому, бо дзеци сами и гладни!

— Хто би ютре знова ишол аж до риту лем пре складане кед нас чека друге польо. А дзеци ше сладше наедза нарано. Упечеш им лепинї.

ПРИ КОЛІСКИ

Пече слунко над польом и облєчиво ше лїпнє за узновне цело. Витрик станул звладани з цеплоту, а придавену, вистату писню шкорванчка лєдво чуц у общим гучаню горучава у целу. Шицки жадно попатраю на вельку ягоду при дильове и на ей хладок, але знаю же нет кеди одпочивац.

У хладку под ягоду шедзи штирирочни Йовгенчок и колїше Юстинку. Вона уж заспала, але вон то не обачує, бо ше праве запатрел як брамушки розцагую отрушинки од полудзенку. Єдна брамушка вжала отрушинку двараз векшу як є сама и руца багинди преїг неровней жеми, але свой плен не пуца. Друга бежи од одного фалатка гу другому ягод да не зна котри би вжац. Од ягоди по отрушинки доганова смуга брамушкох ше не претаргує ягод да чече немирна ричка у обидвох напрамох.

Нараз над Йовгенчову главу забрунєла велька белава муха. Вон престал колїсац и патрел дзе муха шеднє. Шедла просто до колїски на шестричкову твар. Вон скочел и одогнал ю, а шестричка покивала з носом ягод да кихнє, але заш лєм предлужела мирно спац. Вон нацагнул фатьол преїг колїски и, радосни же Юстинка шпи, станул з руками на хрибце обрацени гу косачом, ягод чловек задовольни з добре окончену роботу.

Одбегнул би гу мацери явиц же Юстинка мирно шпи, але не може боси по сцернянки. Зато ше рушел по суше-довой кукурици.

Прешло досц часу. Косаче ше прилїжовали гу ягоди, а одберачки понагляли за нїма. Одразу єдна невеста дзвигла главу и ослухла. Видзело ше ей же чула дзєциньски плач.

— Мушим пойсц гу дзecom! — гварела вона одвязуючы порвисла.

— Не чуц их. Шпя вони обидвой! — гвари швекор котри бул на предку. — Пойдзеш гу нїм та их знемириш, а и так пофришко дойдземе гу краю.

О крадши час знова було чуц плач. Плакала Юстинка у коліски.

— Йовгене! Не чуеш же ци плаче Юстинка! — кричала невеста.

Йовгенчо ше не оздзивал.

Невеста зруцела зос себе порвисла и попонагляла гу ягоди. Уж з даляй обачела же Йовгенча нет при коліски и злекла ше.

— Йовгене!... Дзе ши?... — кричала вона знемирено.

— Ту сом — чула мирни Йовгенчков глас зос кукурици.

— Та цо там робиш? — понагляла вона гу ньому.

— Хладзим брух!

Зоз задзвигнуту кошульку Йовгенчок лежал на чобольове у кукурици и очивисно му лагодне було тото хладзене, бо ше недзечне дзвигнул з нього.

Мац не могла затримац шмих.

— Хладзи челеднїк брух на чобольове! — шмеюци ше скричала вона дружтву.

— Ех, сцеш ти же да ци дзецко чува дзецко! — шмеял ше швекор доходзаци гу ягоди. — Ноле, додайце ми тот чобольов най и я охладзим брух як и Йовгенчо.

— Мушим пойсц гу дзецом! — гварела вона одвязуюци порвисла.

— Не чуд их. Шля вони обидвойо! — гвари швекор котри бул на предку. — Пойдзеш гу нїм та их знемириш, а и так пофришко дойдземе гу краю.

О крадши час знова було чуд плач. Плакала Юстинка у колїски.

— Йовгене! Не чуеш же ци плаче Юстинка! — кричала невеста.

Йовгенчо ше не оздзивал.

Невеста зруцела зос себе порвисла и попонагляла гу ягоди. Уж з даляй обачела же Йовгенча нет при колїски и злєкла ше.

— Йовгене!... Дзе ши?... — кричала вона знемирено.

— Ту сом — чула мирни Йовгенчков глас зос кукурици.

— Та цо там робиш? — понагляла вона гу ньому.

— Хладзим брух!

Зоз задзвигнуту кошульку Йовгенчок лежал на чобольове у кукурици и очивисно му лагодне було тото хладзене, бо ше недзечне дзвигнул з нього.

Мац не могла затримац шмих.

— Хладзи челеднїк брух на чобольове! — шмеюци ше скричала вона дружтву.

— Ех, сцеш ти же да ци дзецко чува дзецко! — шмеял ше швекор доходзаци гу ягоди. — Ноле, додайце мит тот чобольов най и я охладзим брух як и Йовгенчо.

СВАДЗБА

Юстинка и Иринка шестриніци. Вони мали дзивчата. Лем им пейц роки, а уж помагаю у работи. Юстинково и Иринково родичи коша жито, а вони два у хладку под ягоду колішу своїх брацикох. То не легка робота. З дня на дзень треба шедзиц при коліски, шпивац брацикови и одганяц мухи з нього, а горучава така же ше и у хладку ледво диха. А кед ище даеден з брацикох недобри и почне плакац, та и други за нїм!... Мацери не маю кеди бегац гу коліском, бо треба робиц. Родичи не маю кеди оддихнуц у косидби. Робя дрингом, едза на хватацо, а шпя вноци лем два-три години. Треба хлеба заробиц. Юстинка и Иринка не розумя шицку нужду и бригу своїх родичох, але знаю вельораз повторени слова: „Мац муши робиц!“ Прето ше стараю же би на кажди способ забавели брацикох.

Иринка звичайне забавя брацика з ойканьом. Римполї коліску и шпива:

— Оооо—я! Ооооо—я!...

Юстинка по такту колісаня шпива:

— Ойси-колойси! Ойси-колойси!...

А брацикове кеди як. Дакеди зашпя швидко, дакеди ше през причини надзераю же аж и мацери муша присц до помоци.

Єдного дня мали вельо бриги. Брацикове не сцели длуго поспац. Приходзели и мацери, накармели их, превили, але вони кус уцихли, а вец з нову силу почали плакац. Ледво якошик коло поладня обидвومه заспали. Юстинка и Иринка оддихли з олегчаньом и, вистати, полегали и сами на траву у хладку.

Лежали так єден час, а вец ше Юстинка здогадла:

— Бавме ше, Ирин, на свадзби!

Оначели ше кус же хтора будзе млода, а хтора млоди, та ше обидва до остатку прибрали до венчиокох и шлаерокох. Венчики були зоз жита, а шлаери лісца з кукурици заквачени на венчики. Полапали ше за руки и з ганьблїво спущенима главами пошли ше повинчац гу ягоди. Ту ше ище раз поначели хто млода, а хто млоди и, кед винчане було готове, обидва були источасно, и млода и млоди, и пияни кум, и староста, и допити видлаше. Почали звисковац на рату, пияно махали з руками и подскаковали, а до остатку з гарсцох справели труби и през нїх звисковали же би и косаче чули яка ту свадзба идзе.

Брациком ше випатра не попачело тото вешеле, бо обидвоме нараз почали вищац так же надкричали веселу свадзбу. Весели свашки учитли як да ше млода пред самим винчаньом зруцала и попонагляли кажда гу своей колїски.

А допита горучава не дала дихац и ище чежше було допите колїсане.

ВАРОШСКИ ХЛЄБ

Оец на яр одходзел до варошу предавац зарно. Вечаром накладзе на коч мехи, вщас рано попрага конї и пойдзе. А ми, дзеци, кед рано поставаме, перше нам да вибегнеме до двора же бизме ше прешвечели чи оец пошол. Даедно и на драгу вибегне же би видзело коляї коча пред капуру.

А вец почина нагадоване: цо нам оец принеше зоз варошу? Ище вечар ми му ше путали до ногох и наказовали цо хторе сце, а вон лем примахув: „Добре, добре. Купим... принешем“. А кед уж кажде поведло жадане, вон докончовал свойо обещане:

— Шицко принешем, лем кед будзе у дутянох и кед дутяни не буду заварти.

З тим ше вон напредок вигварял кед же дацо не принеше, але то за нас мало окремну цикавосц: „Чи будзе у дутяну? Чи не завру дутяни скорей як оец попреда зарно?

Рано нам було длуге, а уж од поладня зме кажди час вибеговали на драгу да видзиме же чи ше уж враца.

Кед даедно на остатку обачело на конец валала добре нам познати нашо конї, убеговало як през души до двора:

— Идзе!... Идзе...

Капурка була десна кед зме штvero набегли на ню. И аж кед коч бул пред хижу, здогадало ше даедно же и капуру треба отвориц.

Вонка зме звичайне не лярмали, бо то оец ненавидзел, але кед коч вошол до двора, питаньом не було конца:

— Принесли сце мне бабку?...

— Були дутяни отворени?...

— А мне конїка?...

Оец ище зос коча одвитовал уж кеди як и кеди цо. Кед добре попредал зарно, вец шицки дутяни були отворени и було у нїх шицко цо зме гледали. А кед слабше тарговел, вец дутяни звичайно були позаверани у цалим варошу, лем цукрарнї були отворени та нам оец дзелел купени бонбони.

И — не здогадуем ше же би дакеди и цукрарнї були заварти.

Але єдного дня врацел ше оец з варошу з полним кочом. Шицки мехи були на кочу як их ище вечар покладол. Оец бул якошик смутни кед угнал коч до двора, але то обачела лем мац.

А ми гледали свойо!

— Цо сце нам принесли?

— А мне?

Оец стал у кочу и сцел повесц цошка таке смутне яка му и твар була, але ше вец здогадад чоґошик и ошмихнул ше. Вицагнул спод шедзиска зайдичку, розкруцел ю и винял — фалат хлеба.

— Ни-а, принес сом вам хлеба, варошского хлеба!

— И нїч вецей? — жалошне ше питала найменьша Марча.

— Думал сом же то досц. Першираз вам приношим варошского хлеба — гварел оец незадовольней Марчи, котра на тот завод обчековала лабду.

Ми други були задовольни. У часу бул хлеб подзелени. Аж и Марча до конца сладко чамкала тварду скорку. Як би и не! Варошки хлеб бул, видзело ше нам, сладши од медовнїка.

Оец бул задовольни же нас заш лем обрадовал, а мац ше потайомне шмеяла з нас же не познаме кромку нашого хлеба з огорену скорку.

ПИСМА ПОЛНИ ЩИРИХ ЖАДАНЬОХ

Шицко уж було порихтане за одход. Остало лем ище написац єдно писемко и вец може рушиц на далеку драгу. Далека драга — непознати места, цудзи краї, чежкосци и гладоване! А ту охабя шицко познате и миле!

Утарла слизу и влапела ше до писаня. Кед писмо було готове, поволала небесного поштара Витра Єшенського и дала му писмо. Строго му наказала же би не оклевал, але най такой писмо однесе на Вельки Мочар.

Не одлетла розжалена говля ище анї по конец валала, а писмо уж було придате. Приял го жабец Бруга, бо було адресоване так:

Бругови, руководительови жабского хору
Вельки Мочар

Жабски хор праве мал пробу, але им не барз ишло шпиване, бо дзепоедни жаби прехладзели гарло од жимней води, а главному шпивакови Тротькошови ше не сцели надуц ліца, бо ше цали тресол од жими и по скори му пупенци повискаковали. Прето ше шицки зрадовали же кус оддихню док Бруга не пречита писемко. Думали же то знова любовна виява жаби Велькоокей зос сушедней бари, але ше не мало зачудовали кед Бруга почал читац наглас.

У писму стало так:

Миля пан-Бруга,

Я на одходу. Предомну длуга драга гу югу и прето пишем тото писемко Вам, сладки пане, и вашей цалей чесней родзини, котру я, верце, високо ценім.

Крашне ми було у вашей бари... и — будзем щира — нігда бим зоз ней на юг не пошла, на тоту длогу, трапезну драгу да ме не жене жима з тих крайох. Барз любим вашо подоби мали кед ше на води мирно слункую и вашо гласи ніжни и зложни кед ше над воду злею до писні од котрей шерцо веселше дурка.

Прекрасни народ ви, жаби мойо, и прето... жаль, ми, щиро гуторим — же ше мушима так швидко розисц. Жаль ми... а цо знам, цеши ме думка же ше по жими знова найдземе док яр огрее красни мочари. Твардо вам, ни-а, тераз обещаю же вас найдзем на старим месце.

Жадам вам щесце на розходзе. Барз бим любела да на яр шицких живих и здравих у бари найдзем, да вам сцегенка кущик утию и да саделко крашне пополни ціла вем сладки. Збогом! Довидзена, жаби мойо злати!

Говля
з комина баби Кати

Лярма, котра ше дзвигла по законченим читаню писма, була така велька же ше Бруга побавал же му шицки шпиваче захрипню, а Тротькошови же пукню ліца котри ше якимшик чудом надули. Же би их змирел, вон злярмал да уцихню и такой ту пред німа видиктовал телеграму. Од гніву на безочліве говльово писмо вон не могол одвитовац у стиху, але цалком у найобичнейшей прози диктовал так:

Говлі з комина баби Кати

Драга на юг

Жадаме ци вельо красни незгоди у драже стоп. Най би ци крокодил на Нилу зоз зубами кус пире зачесал, або даяка жвир у пустині най ци кус карк и ноги подкрадзи стоп. Кед же на нашу вельку жалосц сцигнеш гу Нигером, най це вони у котле уваря стоп.

Вельо витру у драже и гладованя!

Бруга

Витор Єшенський ше розбегнул найшвидше цо могол же би здогонел говлю на драги за юг, а жаби ше порозходзели преспац жиму.

На яр увидзиме чийо ше жаданя зисцели.

СИГУРНА ОХРАНА

Мац и оец ше нескоро врацели дому. Уж ше давно спушчала ноц, а Владко сам дома. „Сигурно шедзи у капурки и плаче“ — думала мац. „Охабел отворене обисце и пошол до сушеда з Петриком“ — думал оец. Обидвойо застарани и за Владка и за обисце та понагляю.

На капурки обидвойо станули — вет шветла у обисцу. Владко зна зашвициц. Не дома е!

Застарана мац бежи гу приклетним дзвером, а оец розпатра по дворе.

Мац отворела дзвери, але — яй! У приклеце при дзверох цошка задубонело, зашкрипело и щерепчало на жем, а вец ше чул крик и трепане з кридлами. Злекла ше мац и скричала на оца. Оец нацагнул руку до приклета и запалел шветло. Кед вошли нука, мали цо видици: плехова купачка лежала преврацена при дзверох, коло ней розшата судзина, а преїг шицкого того лета злекнути гунар Мижо. То Владко подопар дзвери з купачку, на купачку положем ванглочку з непомиту судзину же би послужела як дзвон на опасносц, а до приклета поставел вирного стражара гунара Мижо, котри уж велім дзедом засичал за петами. Гунар мушел задримац и сигурно му ше пришніло як го лїшка оганя, та ище вше не могол присц гу себе гоч видзел же то лем оец и мац пришли дому. И кед го випуштели на двор, вон ище длуго на своїм гушим язичу приповедал о страшней опасносци з котрей праве сцекол. Попри страху було у його гласу и радосци же живи остал.

Оец отворел хижни дзвери. Зос цми, отамаль дзе стої Владкова посцель, чуц було якишик чудни глас, якешик грожаце мурчане. Шветло блїсло и мурчане уцихло.

Спод перинки викуковал лем кудлати хвосцик и весело махал. Оцец попонаглял гу посцелі, але ше пошпоцел на цошка и кус хибело да не спадне. Заш лем щешліви бул же ше забанал, бо му у тим чаше коло глави засичала стрела з гумовим верхом. Щешліви же ше заліпела на очко дзверох, а не на його чоло, оцец попатрел на цо ше пошпоцел. Од орманчика у правим куце по стол наштред хижи бул нацагнути порващок, а за ножку стола була увязана Владкова пушка котра виштрелела стрелу. То ище не було шицко. На столе стали дзело и тенк, а циви им були напросцени на дзвери да дочекаю зос своїм огньом нежданого госца. Лем, вони не могли штреляц през владка. Прето ше оцец понаглял видзиц же цо з нїм.

Вон спал блаженим сном ягод даяки генерал котри сигурни до будносци своїх стражарох. А заш лем, за кажди случай у руки тримал свойого гумового нигера Нямбу-Нямбу котри ше не бої вдериц анї на лева або крокодила.

Оцец ше ошмихнули гварел мацери:

— Я винешем на двор кудластого, бо му там и место, а не у посцелі, а ти зруц свойого оштроумного генерала. Не верим же и ципели зобул.

Рано ше Владко чудовал же ше не зобудзел кед мац и оцец пришли. Барз му було мило же шицко цо порихтал за свою охрану добре послужело, лем ше дакус ганьбел же ше не пребудзел, бо и то було у його плану охрани.

ОГНЬОГАСНИ АВТО

Владко ше бавел на драже. Сушедов хлапец мал огньогасни авто и вони двома гашели огні котри несподзвано вибуховали и там дзе звичайно огонь не гори.

— Гало, гало! — стал Владко при електричним слупе и кричал до гарсци, ніби то му телефон. — Гало, гало, огньогасци! Швидко, гори жито, вельо жита!

Огньогасцом — сушедовому Дюрикови — єв нужно було повесц дзе жито котре гори. Накруцел авто и пуцел го, а вон ше схопно шмикал на коленах за нїм. Авто гурчал и пискал, а Дюри го кеди-некеди од задку лупнул з пальцом же би го угнал просто до запаленого житного поля. Не знам прецо, але нужно було дзвигац и драбину котру авто мал на себе. Нашедзаци ю Дюри зложел и дзвигнул, а накадзи то було готове, огонь бул загашени. Лем цо драбина була знова зложена, заш ше чуло:

— Гало, гало. Огньогасци, гори хижа!

Горели так: и хлїви, и хижи, и брадла, а до остатку и една велька фабрика. Можебуц би ище велї огні вибухли да Владко не гварел:

— Дюри, дай да я кус гонїм авто, а ти ми явяй дзе огонь.

— Е, не дам. То мой авто.

— Лем кус. Ни-а, дам ци сличку.

Сличка була красна, на ней була якашик штица, але Дюри не дал авто.

— Дам ци и тоту сличку зос ширки — понукнул Владко, але ані то не помогло.

Владко закушел до гамби, вохпал руку до кишенки, и вицагнул цошка. Кус постал зоз заварту гарсцу як да

роздумує чи вредзи гонене авта тельо кельо дума понукнуц, а вец отворел гарсц и руцел пред Дюрика тото цо тримал.

— Ево ци и тота „глория“!

Гу Дюрикови ше докотуляла велька скленяна пилька. Фарби ше прелівали у ней як заставки на першомайскей святочности. Бліщала ше и прелівала як найкрасша слика з морских глібинох.

Дюри патрел на бліщазу глорию, а вец ю нараз хвацел и сциснуту гарсц скрил за хрибет. З другу руку хвацел авто, скочел и почал сцецац. Владко ше розбег за нїм, нещешліво ше пошпоцел и спаднул, але у паду хвацел Дюрика за ногу та ше обидвومه нашли у грубим праху. Настало гаматляне и преврацане, з праху було лем кеди-некеди видно даедному ногу або руку. Цала улїца у часу була у молги, а то озда и спричинело же би борба престала, бо процивніки не видзели еден другого. Чуц було кашель и плач, а кед ше прах кус розишол, обидвومه стали били як млінаре, коло устох и очох були як з чоколаду намасцени, а обидвومه плакали. Владко тримал авто, а Дюри сцискал глорию.

Так плачуци убегли кажди до свойого двора и випоносовали ше мацером еден на другого, але мацером то не було ніч нове. Умили их и послали их же би ше помирели. Вони ше кус бавели кажди пред своїма облаками, Владко з автом, а Дюри з глорию, але бависко не барз ишло.

— Гало, гало, огньогасци! Гори фабрика!

Владко понаглял випольніц свою огньогасну длужносц. Накруцел авто, упутел го преїг улїчки гу Дюрикови и — бависко почало ознова.

БУДУЧНОСЦ ПРИПАДА ТИМ КОТРИ ЗНАЮ

ДІДО, МИЖО И ТЕХНИКА

Техника до мойого обисца вошла, як то людзе гваря, през мали дзвери.

Чул сом о койчим и читал сом о веліх техницких апаратох, але сом у своїм обисцу не мал анї еден.

И — вам будзе шмишно — але кед ми унук вдного дня принес якишик дроцики и криштальчик, кед ми на уха положел два слухачки и кед сом ведно з музику у слухачкох чул: „Діду, то будзе ваш детектор“, я заплакал. Слизи ми сами вдерели на очи, як ше то уж случує при нас старших. Од радосци, од возбуженя, од чоґошик ме сцисло у гарле и унук ше длуго чудовал же цо то зомну. Не могол розумиц же ше я у седемдзешатим року радуєм пре даскельо метери дроцику и два слухачки. А за мнє то було вельке! Прето же го мам, тот исти детектор, и прето же ми го унук справел.

Поробим я так роботу по дворе зоз бабу свою, войдземе до хижи, а я ей гварим:

— Но, рихтай ти вечеру, а я идзем чуц цо нове.

— Вслухайце ле и яка хвиля будзе ютре, чи зме годни почац у заградки — гвари баба.

Слухам я так, а мило ми. Любим и кед граю и шпиваю, але дзечне слухам и бешеду. Знаш цо людзе робя и думая по цалим швецє.

Та, ни-а, наш радио, так зме го волали, бул треци и найбешедлівши член нашей фамелиї. Навикли зме на ньго и не могли зме през нього. Але ше зявела и една незгода. Дзекеди би и баба сцела чуц шпиванки. Попоносовали ше ми унукови, Мижови нашому, а вон гвари:

— Купце радио!

Кивали ми з главу, раховали, шпорovali и до остатку — купели зме радио, послухали зме унука. Радио бул мали, з найтунших, але так нам крашне служел же то була радосц една за обидвойо. Легнеме так вечар до посцельох, вистати, а баба гвари:

— Ноле най чуеме нашого Мижа.

Радио зме так наволали по унукови. Лежимо ми, дри-меме, а вон нам грае, або бешедуе, уж цо там маю на шоре. Дзекеди и зашпиме, а вец ше давдно таргне и дудре:

— Пале, ми стари заспали, одпочиваме, а тебе не даме одпочивац. Ноле, одпочинь и ти до рана и не гнйвай ше на нас старих. Ми то уж таки, забудлїви, о себе лем думаеме.

Служел нам вон так даскельо роки, а вдного рана — учитнул. Цо то за божа годзина. Застарали ше и я и баба и робота нам цали дзень не идзе одрук. Аж пред вечаром пришол унук — тераз уж учел школи у варошу, а була sobota, та пришол дому, и зашол нас опатриц. Лем цо зме ше пообочковали, такой я йому:

— Наш Мижо учитнул. Лампочка гори, а вон цихо.

— Дайце най го опатрим — гвари Мижо и такой скляня зос стола, прави место за радио.

Принес го я, тримаю го у рукох як хоре дзецко пред дохтором, а думам: „Боже, чи го не погуби ище баржей!“ А кед го почал розберац, ягод да мне з ножом жалудок отворел. Клїпкам я над нїм и зос страхом обчекуем цо пове. А вон закуковал, прицискал дроцики и преказовал себе:

— Уход у шоре, аудион, гм... добре... звучнїк, ага... добре...

Йому шицко добре, а мне аж мло як вон шпиртал з пальцами до дроцикох и там койяких скленїчкох.

— Мушим го укапчац, — гварел вон -- не видно за-тераз хибу.

Премесцели зме стол ведно з радиом. Тераз сом нараз престал страховац за радио — страховал сом за Мижа.

— Утне це струя, сину, охаб го до дюга! — гварел я наостатку застарано.

— Не бойце ше, дїду, знам я дзе шлебодно влапиц, а дзе не. Видзице, ту струя лем еден и пол волт, а ту три...

— указовіл вон мне — ага, патьце дзе хіба! Но ніч му! — здыхнуў вон як дохтор кед утвєрдзи хороту.

— А чом же вєц нє грає? — питал ше я.

— Контакт гришка, муши ше поправиц.

Вишол я такой до приклєта та гварим баби:

— Знаш цо му? Контакт гришка!

— Яй, боже, та вєцей нє будзе грац!?

— Ніч му, то так повєсц, як члєвєк кед ма натху — благаў ю я. — Агєй, Мижу! — повєлал сом и його за швєдка.

— Гєй, ягєд кед ше члєвєк напие, та му язик загрубнє и нє може вивєдац слова, гєч мозєк рєби. Гваря вєц — страцєл вязу з мозгєм. Так и у радию прєтаргнута вяза.

— Но, вєц дєбрє, отрєжби ше вон. А дє лєм дєрвал ягєдаци, да ми знац!

— И ви би там попонагљали! — штухла до мнє баба.

Мижо одбєгнуў до нашєй школи и нєодлуга ше вращєл зоз рємєслєм. Док вон сходзєл, а я уж позакєковал до радия, та сом ше му такой почал вєпитєвац.

— Цо то за ствєра у тих лампочкєх. Нач тєти шитка и рєшти у нїх и як их там покладли.

Вєпатра жє сом ше вєльє нараз питал, бо ми Мижо почал надлугєкє толковач як ухєдзи струя до радия, спєминал анєди, катєди, диєди и ищє койяки оди и они, алє я нє сигури жє сом и тєти спємнути дєбрє запамєтал, та волїм нє сплєтац. Углєвним, я буў барз пишни жє унєк то шицкє зна, а то ми буўлє дєсц. Мойє старє шєрцє ше натєльє рєзмєгчало слухаюци його мудри слова жє сом почал поцагєвац з носєм, а Мижо ше направєл жє то нє обачувє и почал поправљач контакт гришку. Кєд радио зновє заграў, я пришєл кус гу сєбє, а вошла и баба до хижи, та змє Мижа нагварєли да остане у нас пошєдзиц, побєшєдовач, а кєд сцє и да прєноцувє у нас. Остал послє вєчєри дєсц длугє и бєшєдовали змє о шицкєм, а вєц ше зєбрал и пошєл на танєц. Младєсц глєда свєйє.

Кєд змє лєгли, баба длугє цєшка прєвращєла у сєбє. Знал сом то по єй кормацаню, а вєц и сама гутєрєла:

— Видзицє, думам сєбє — и тєта тєлєвизия нє подла ствар.

— Ааа... тєта вша ци у хрєсти! — гварим я, а мило ми жє почала тєту бєшєду, бо и мнє то мучєло. — Нє подла,

сигурно же не подла. Шедзиш у хижи и патриш и слухаш цо ше случує богцепита дзе у швецє. Гвари Мижо...

— Можебуц зме и годни — гварела бояжліво баба — о рок-два... даяки мали апарат вжац. Га... цо думацє?

— Чом же бизме не могли! — гварел я прешвечено.

Длуго сом тей ноци думал. Думал сом о себе, о Мижови, о радию и телевизийї. Вше ми єдно виходзело — як тєраз крашне жиц на швецє! Як вельо нешкайша младеж може научиц! И як то крашне кед дахто вельо зна.

Так, ни-а, зос технику до нашого обисца вошли и думи о швецє и живоцє, о старосци и младосци и о краси живота.

МЕЛАНКОВО КАНДЖУРКИ

Од змаганя за виберане найлєпших мопедистох школи ше вельо обчеювало. Цала VIIIб класа була ту, а на боку, ніби незаинтересовани, копали до лабди найлєпши мопедисти VIIа класи. Влада ше не оглядал вельо на ніх. „Тутмаці“ и „пуляки“ VIIа класи могли аж и штоперици тримац у рукох та би му то не завадзало, лєм да не привєдлї и Мєланку, симпатичнє дзивчатко гү котрому Влада не бул ровнодушни. Барз му було важнє доказац єй же нет лєпшого мопедисти у класи, алє ше нєшка нєсподзивано зявел и Саша послє ддукшєй хороти та Влада бул знємирєни. У Сашових рукох мотор послушнє цагал, а на гєвтим оштрим круцєню писти Саша ше просто зєдиньовал з мотором и зос кривини виходзєл з якушик єлєгантну лєгкосцу на котрєй му Влада завидзєл. Гласни по природи, Влада нє могл скриц своєю симпатїє гү Мєланки, алє лєм вон знал же и Саша, сцїха и глїбоко, хова нїжни чувствє гү нєй. Поцагнути Саша нє мал досц шмєлосци же би то повєд Мєланки.

— Можебуц єй повє нєшка... кєд побєдзи!... — зос страхом подумал Влада и спод ока глєдал Мєланково канджурки у громади дзивчатох коло писти.

Од дзєшєц хлапцох з VIII б класи трємє уж стартовали. Єдєн посцигол час блїзки рєкорду VII а класи и шицки зос нєсцєрпєньом обчєковали да стартує Влада. Наставнїк-инструктор, мєдзитим, указал Сашови мотор на старту. Саша ше мирно намєсцєл у шєдзиску, прєпатрєл прилїв горива, мєнєч и ручку за гас та явел же є порихтани.

Пєрши круг обїшоул у рєкордним часє. Кєд прєгирмєл коло инструктора, тот ше задовольно ошмихнул, а кла-

пци коло нього заляпкали од радосци. Кляпкане прилапели и дзивчата з гевтого боку писти, а Владови ше видзело же ше Меланкова твар обляла з радосцу.

— Тераз идзем я! — нагнівано гварел инструкторови, але тот не обачел тон, бо увагу сконцентровал на штопе-рицу.

— Ушоре, порихтай ше! — гварел, а у тим чаше Саша по другираз прегирмел коло ніх.

— Тот прекрашне вожи, тот класа! — радошне скричал инструктор, а хлапци прилапели. Школяре VIIа уж давно охабели лабду и ведно з дзивчатами на другим боку весело нагадовали чи Саша посцигне рекорд школи.

— Озда и ви навияце за нашого Сашу? — питало ше несподзиване едно дзивче.

— Чом би зме не! — одповід ей еден не оглядаючи ше и предлужел шмеліц Сашу котри ше праве вицагнул зос кривини.

Кед после трецого круга Саша застановел мотор, и попри шицких протестох инструктора, коло нього ше збегнула цала класа. Бурни винчованки уцихли аж кед Сашу принесли на руках гу инструкторови.

Мотор остал там дзе Сашу сцагли з нього и Влада пошол та го придрилел. Кед ше врацал, весела громада ище вше стала коло инструктора и Саши. Видзел Меланку як стої коло Саши и ані кус ей не завадза же ю немирна громада дриля Сашови до наруча.

— Досц уж! Склоньце ше зос старту! — скричал Влада и обрацаючи мотор вдерел едно дзивче кетре скричало:

— Меркуй! Не мушиш другим ноги ламац, трупаку!

Кед писта конечно була шлебодна, Влада ше нервозно верцел на шедзиску, бо му пред очми ище вше були Меланково канджурки при Сашовой нашмеяней твари. После знака за старт двараз палел мотор, але го аж трецираз запалел. Уж после даскельох метерох мотор полецел як стрела и гирмел так же ше вельо обавали чи ше не розпадне ауспух од експлозийох.

Кед бул пред гевту оштру кривину, шицким ше становело дихане. На кривини задне колесо широко запарало трозгу и хмара праху ше дзвигла за мотором. Од вичеко-

ваня и шкрипаня кожного обишли лядзики, але шицки оддыхли з олегчаньом кед щешліво вишол зос кривини.

— Тот вожи ягод шаркань! — одняло ше одному хлапцови кед Влада предубонел коло групи при інструкторови.

— Зменьшай гас! — скричал інструктор, але Влада видзел лем його незадовольну твар.

Кед ше у другим кругу мотор заш занес на кривини, інструктор нагнівано скричал:

— Цо тому нешка!? Розбие и себе и мотор!

Хлапцом ше пачело тото погибельне вожене, але неприємни страх им не допуцшовал же би шмелели Владу. И вони ведно з інструктором опоминали:

— Зменшай гас! Зменшай гас!

Влада не чул тото цо жадали. У ухах му гирмела буря одушевения котра у каждым кругу провадзела Сашу, а у очох му була слика Меланкових каднжуркох и незадовольна инспекторова твар. Полегнул по мотору и гнівацо прицискал ручку за гас, але вона далей не ишла.

Ані не обачел кеди улецел до кривини. Одразу ше лем чарна смуга писти одвоела на ліво, а мотор одскочел од неровней пажици. Видзел под собу долінкасту желеву поверхносц, а пред собу високу гац.

А вец шицко закрила неprevидна цмота.

Кед возбуждени товарише зос інструктором сцигли на место нещесца, пренашли з олегчаньом же шицко могло буц ище и горше. Влада лежал побити и замлети, але ше не видзели ніяки чежки рани. Мотор, медзитим, на обще несподзиване, бул цали цалючки. Влада випатра вискочел з нього и вон ше превалел на бок, шлізкал ше даскельо метери и станул.

Ютрэдзень, введзелю пополадню, обидва осми класи пошли обисц Владу у шпиталю. Мали му повесц вельо новости.

— Ушили зме, значи, тих шлімакох зос VIIIа класи — приятельски гу остатку франтовал и вон джмуркаюци на хлапцох зос класи-ривала.

— Ніч то. И ми ше радуєме вашому успіху — щиро гуторели „акавци“. — Лєм нам ти цоскорей виздрав, бо нас чека медзишколске змагане.

— Будземе ми перши у срезу! — уверено гварел Саша. — Влада, ваш Дюра и я ше розумиме до моторох та най нам придзе гоч хто на змагане. И инструктор гвари же зме найлепши!

Кед явели болничаре же нацива закончена, при Владови остала Меланка.

— Прецо ши так шалено вожел? — сциха ше питала и покрадзме му влапела руку спод заглавка.

Попатрел на ей вельки чарни очи у котрих ше швицели слизи и збунето гварел:

— Думал сом же тебе важне да победзим. Саша одлично вожел... мушел и я...

— Ти вожел вельо швидше. Прешол ши два круги за кельо Саша шицки три. Але... так ше не вожи кед знаш же це дахто... же...

Не мушела dokonциц думу. Вон почувствовав як го сцисла за руху, а ей слизи, котри вона сцела скриц обрацаюци главу, ище длуго видзел по ей одходу.

Цихосц шпитальскей хижи не завадзала його думом о ней, о себе и о непредуманих поступеньох котри дзекеди з найлепшу намиру робиме.

У РИТУ

Витор дул як збешнети. Сичал у конопней сдернянки и валял ше прейг непожатеј конопи руцаюци снопи. Пожата, а неповязана конопа, залапена з витром, чмигала у праху и цмоти по полю як безчислени батоги у нерозумним круценю.

Од праху и несподзиваней цмоти Штефан ледво могол дихац. При першим налету витра скричал Ирини най легне на жем, а кед ше витор змоцнел, так же почал з нього таргац вельораз поплатану реклу, руцел ше и вон коло непожатеј конопи. Ирина була за нїм, але ю не могол видиц. Зацмело ше нараз. Здалеки дубонели громи приближуюци ше, а витор з невиповедзену силу ношел шицко за собу цо могол одорвец.

Штефан вихасновал хвильку кед витор ослабнул та ше з вельку усиловносцу преруцел гу месту дзе Ирина лггла.

— Ирино! Ооо... Ирино!

Ирини не було на тим месце, а од праху и цмоти не видзел нїч доокола.

— Ирино! Дзе ши?!

Дзешка з правого боку чуц було глас. Розламани слова ше повторяли и трацели та Штефан не розумел нїч. Несподзивано гром запарал небо и потресол жем. Шветлосц заблісла очи и Штефанови ше видзело же збачел попри болящих искрох и сподобу Ирини як пада. Зоз запрепасцењом повязал розтаргани слова котри кус скорей чул през бурю.

— Гу кочу... Гу коочу!

Ягод да го дацо чежке вдерело по першох: „При кочу дзецко!“

Громи вше бліжей пращали, а по небе ше валяло страшне гучане.

— Ирино, идзем!..

Скочел, але го витор занес до конопи. Хватал ше за конопну сцернянку и цагал ше на гевтот бок дзе стал коч. Розоцал руку, але то не чувствовал. Нови гром вдерел дзешка блізко, а шлїдующе бліскане ошвицело Ирину котра непомично лежала уж недалеко од нього. Од цмоти, котра настала, Стефанови ше сцисло у гарле. „Що кед є...“ Не шмел докончиц думу. Страх же є мертва дал му нову силу и вон скочел и руцел ше против витру.

— Ирино, ту сом!..

Вона ше рушела.

— Гу кочу... понагляйце!..

Радосц, же чує ей глас, зачерчала у нїм. Витор го звалел аж при ней. Не плакала, але ей неми корч пременел твар.

— Сама ши ше рушела гу кочу! Як ши шмела?

Вона, котра ше притульовала у страху гу ньому кед над валалом загирми, або лем кед витор баржей дуркне з облашніцу, рушела ше сама гу кочу у тим пекле у котрим и вон страцел присебносц. Очи полни мацеринского страху тераз жадали лем едно: да ше цо скорей сцигне гу кочу.

— Идзем я гоч як! Ти остань ту.

Громи почали трескац коло нїх з немилосердну моцу. Ягод да ше небо преламало и сипе огонь да знїщи шицко на жеми.

— Не идзце тераз!.. — влапела го вона за руку.

Лем за хвильку удало ше Стефанови попатриц гу концу дзе бул коч. На боку, у сушедовой кукурици, обачел колеса обрацени горе и шороглі у сцернянки недалеко од коча. Место, дзе бул скорей коч, було пусте.

Од грома, котри вдерел недалеко, затресла ше жем.

— Не идзце... — скричала за нїм Ирина, але вон то уж не чул. Бежал, а пред очми му була страшна слика пустого риту. Одразу витор попуцел як да предихне пред новим налетом, але громи ище немилосерднейше пращали.

Вец на хвильку шицко уцихло. Ридко вельки капки почали ше розбризговац кед вон сцигол гу кочу.

— Яни! Яни, дзе ши!.. Озви ше!..

Капки почали бичовац жем. Шуцало ягод да безчислени гушеніци шамру доокола.

— Яни!...

У розпуки почал дзвигац драбинки коча. З несподзівану силу обрацел коч на бок, але под нїм не було нічого. Доокола водена зависа зацагла шицко.

— Яниии!

Не верел себе же Яника нет и обишол коло коча.

Лем отаргнути кефетик вишел на драбинки.

— Яни!...

Кадзи рушиц? Одбегнул на место дзе скорей бул коч. Яни пред тим чудом лежал на покровцох под кочом. Тераз там бул лем Яников бичак з дрвенима черенками задзати до жеми.

„То Яни задзал да ляду не будзе“, подумал и утарблїщаци челїк.

— Яниии!...

Одразу му бичак у руки постал чежки, ягод ствар покойного котра нас спомне на страшну стварносц.

— Яни не мертви! — твардо гварел вон и одруцел бичак. — Яни ту дагдзе.

Диждж лял, а запожнети громи ше валяли преїг неба.

— Кед почала непогода, Яни ше злекол и почал бежац гу нам — роздумовал Штефан. — Бежал коло кукурици, бо бул боси. По сцернянки не могол бежац. Треба го гледац коло кукурици!

Вода спод бочкорох пирскала на шицки боки, а Штефан ше задихал од швидкого крачаня. Диждж ше преридзел, але блїскане не престало.

Нараз пред собу Штефан збачел ноги. Радосц и страх ше помишали. Яни лежал горезначки и не давал знаки живота. Єдна рука и нога му були у води у бразди, а преїг цела му лежала кукуричанка ягод да ше з остатню силу за ню влапел. „Гром не вдерел до ньго, лем блїзко ньго“ — заключел Штефан. Швидко витаргал даскельо кукуричанки около и на тото место престар свою премокнуту реклу. Премесцел Яника на реклу и почал му давац вештачке дихане. Кед дорушел Яниково опущени руки, слизи му вдерели на очи, але ше не шмел подац чувству. Ритмичне дзвигал и спущовал мали мили руки и патрел до твари.

Преходзели минути дługi як вичносьц, але ше знакі живота не зьявйовали. Знал же не вредно траціц час же би ослу-хнул шерцо, знал же од вештачкога диханя завиши Яников живот. Не допушцел же би го розпука хвацела, старал ше думац на ритам рушаня.

А минути преходзели, дługi и чежки.

— Кед вон... Кед вон уж?! Волац би Ирину...

Не престававал зоз диханьом уж и кед страцел надію. Слизи му ше котуляли по твари, цело ненавикнуте на плач ше старговало у гиканю, але ше вон старал отримац ритам.

Не видзел ю, але почувствовавал же стої при ньому... Чекал кеди зйойчи и не мал шмелосци дзвигнуц твар гу ней. Але место йойку чул ягод здалека мирни глас:

— Завадзаю вам слизи.

Почувствовавал на своей твари мокру хусточку. Попатрел на ню дзекуюци ей же не йойчи и нова надія го обняла.

— Дайце най я...

Клекла и предлужела у ритму рушац Яниково руки. Не було слизох у ей очох. З челічним попатрунком патрела шмерци до оч. Вон знал же є ршена або победзиц, або и сама страдац кед шмерц победзи. Обрацел ше же би ище раз посцерац твар, але ше таргнул кед чул ей цихи глас:

— Диха!.. Диха! Почал дихац!...

Твар ей була вименета. Штефан ше злекол од ей випатрунку. Очи ей вискоцели ягод да з розума зишла.

— Дай най я — одрилел ю благо вон.

Клекла коло Яникових ногох и у обчекованю випатрала страшна.

Нараз ше Штефан нагнул над Яниково перши. Ослухнул лепше и чул слабе дихане.

Неодлуга Яни здихнул глібоко и отворел очи. Пофришко их вистато завар, але дихане було нормалне и живот ше врацел до цела.

Ирину видала моц. Слизи навалели з таку силу же ше спущела коло Яникових ногох на розмокнуту жем.

Диждж станул и пофришко през розтаргани хмари почало викуковац слунко.

Врацаюци ше после дижджу з поля, кум их нашол шицки тройо обляти зос слизами радосци як шедза ище

вше на тим месце. Кед их видзел як му ше през слизи ошмихую, не знал цо думац о нїх.

— Коня ци забил гром, Штефане, а ти не випатраш жалосни прето!

Неодлуга ше и вон приключел їх радости.

— Дай Яника до мойого коча, а до твоего запрагнеме Гидрана та ше одцагнеме по дом.

Кед вошли до валалу, нїхто не могол знац кельо шмелосци мала тота виплакана жена цо притулюе гу себе живого сина.

ВЛАДКО ВШЕ ВИНОВАТИ

Бриги було з Владком. Придзе зос школи, руци торбичку на патку, реклу на посцель, одреже фалат хлеба и — пошол! Дармо мац за нїм кричи, дармо му надпомина: „Владку, а задачи?“ Нїч то не помага. Прибегне лем на полудзенок, полуднює на хватацо и заш — пошол! Вишмикне ше спред оч як да до жеми препадул. Вечар придзе задихани, брудни и такой ше хпа до пирнагох. А вец вноци мира нет од нього. Бешедує вошне, кричи: „Митич, додай, додай... копай... гоооол!“ и шицко тому подобне. Вишорує вошне и нашу стару и нову репрезентацию, а дзекеди и даедну странску. Ту и Ханапи и Метюз и Беара и Одвирк, а кед му ше мац рано пита цо то за сон, вон змахне з плечами: „Нїч, бавели зме з Куртошорцами“. „Яких же там Ханапиових и Метюзових маш на тим Куртим шоре и цо то за бависко кед лем там бежиш?“ — дудрала мац и рихтала го до школи.

Застарала ше мац: треба дзецко да учи, дакеди треба и дома дацо помогнуц, а вон ше вимкне з дому кедигод лем може. Бешедовала и зос сушедами, але ю и вони дочекали з поносами на своїх хлапцох. „Вошол якишик бес до нїх, не могу ше дома становиц“ — заключели вони. Єдна сушеда на краю гварела: „Треба з нїма строго! Мой вера не крочи вецей з дому!“

Праве так и мац ришела: треба з нїма строго! Мерковала же би була у хижі док ше Владко враци зос школи, да го застанови, да му пове: „Стой, Метюзу, досц и твого було! Маш ту дома тримац нос! Маш ти, гумова главо, робиц кед думаш есц!“

Владко як и обично убігнул до хижи, руцел реклу на посцель, торбичку на патку, а вец обачел и мацер, збунето поздравкал и такой додал:

— Дайце ми есц!

— Нѣт едзенья! — одрубала мац.

— Га, я гладни! Я ше понаглям... Я...

— Я! Я! Я! Ти лем на себе думаш, осовино вербова, ягод да ти перши на тим швецѣ. Крава накармена? Не! Швинї намирени? Не! Двор замецени? Не! А чом? Прето же треба за Владком хижу спораїц! Треба Владкови полудзенок порихтац, треба го орайбац, поплатац, дочекац и накармац. А цо то за еден, тот Владко, да ше так дахто опита, кед ше ти, мамо, тельо стараш онїм? Но, цо би му ти повед?

— Га, не знам... — превалел Владко прейг язика и не шмел попатриц на нагнївану мацер.

— Не знаш! Ни-а, я ци повед: то славни Беара котри приходзи дому лем есц и спац! Але так вецей не будзе! — Мац положела руки на клуби и ище баржей повишела глас. — Не будзе, розумиш! Вецей не крочиш з того обисца док це я не пошлем. Зруцуй тоти шмати и облекай ше до старих, та робиц, а фодбал себе виби з главы. Кед сцеш у тим обисцу жиц, мушиш у нїм дацо и зробиц.

Наелектрисана атмосфера тирвала цали дзень и Владко ше барз старал же би не направел „куршлус“.

Ешеньска хвиля вше баржей овладовала и о даскельо днї спаднул таки диждж же не було випатрунку же ше пажица пофришко висуши, а уж ше обчековало и жиму, та Куртошорци свой фодбал обешели на банту до яри. Владко прето легчайшого шерца оставал дома. Круцел ше по хижі, помагал мецери и — з едним словом — бул „добри мамов син“.

О даскельо днї мац ше аж хвалела сушѣдом: „Видзиш, прѣменело ше дзецко цалком. Тѣраз шѣдзи дома и прави детектор. Так уж гей. Най дзецко рошне пред моїма очми, а не да блука по пажицох“. Владко и тѣраз прибегне зос школи, руци торбичку и уяш, гледа есц, але вец ше не лапа за капурку як то скорей було, але розклада ремесло по столе и патки, пилї, реже дроцики, реселюѣ и накруцуѣ дроти на паперово циви.

З початку му и мац притримала дацо, помогла му. Сцѣрпелїво слухала Владково толкованѣ о работи детектора,

о слабих струйох и о антени. Не заваждало ей дуркане и цешела ше же вон так крашне дома роби одну красну и хасновиту роботу.

Так шицко крашне було досц длуго, а вец ше мац єдного дня запутала до Владкових дротох за антену и вишол ей на верх главы детектор. Вона ше гнівала же Владко зос свою роботу вше под ногами, а вон плакал же му помервала дроти. Кед ше ютрედзень Владко знова почал розкладац з роботу, вона скричала:

— Досц того струганя и пиленя! Идз ше уж раз бавиц на драгу, як и други дзеци. Вше ши ту под ногами. Шедзиш ту як косц у гарле. Не мож по хижі прејсц шлебодно од твоїх антенох и жележивох.

Владко змахнул з плецами, позберал ремесло и жубротал у себе виходзаци вонка:

— Ніяк не мож тим старшим вилагодзиц. Завадза им кед ши не дома, не добре им кед ши дома. Хто зна цо би требало зробиц да буду задовольни. А так — вше ши виновати.

ДЛУГОКИ ВОЛТОВ ШАЛ

Не могло би ше повесц же Петро волани Волта бул того дня добрей дзеки. Перше му шестра завадзала и вишмейовала го же од старих конзервох и єдного магнета справел мотор котри не роби, а вец ше мац видудрала на нього же з ножнічками штригал плех и дроцики. Легчейше би поднес шицко то да му електрични мотор сцел рушиц, але як упрекосц — вон стал. Препатрел ище раз добре ротор, два челічни дроцики, досц еластични. Шицко було у шоре. Мотор би мушел рушиц. Два тижні го уж прави, тераз є закончени, а ни-а, як упрекосц не сце рушиц. Уключ чел батерию, обрацел з пальцом ротор, але ніч.

Одразу му було ясне шицко. Док з пальцом обрацал ротор, на щеточки ше не зявійовала искра. Значи — хиба у батеріі. Вжал грушочку — струї не було. Значи, батерія витрошена!

Знал же му мац не да сто динари за батерию и прето витресол свою касу. Зробел то з чежким шерцом, бо праве почал шпоровац за екскурзию, на котру пойду на яр.

— Да ми не бабреш ніч ту! — облекаюци ше скричал шестри, котра робела своєю задачи.

— Не бой ше, инженеру, мне ище не заврацели мозок плешки и дроцики! — гварела з висока шестра, а ледво чекала да вон видзе же би пробовала сама рушиц мотор, бо себе раховала за лепшого физичара.

— Твою празну главу ані не можу заврациц мудри ствари! — одрубал Волта и вишол окрुцаюци коло шії длугоки шал.

Робота коло моторчка го нательо забавела же не обачел бурю, котра вонка почала бешніц. По драже лежали розбити

черепи и дески одвалени зос щитох, а жовте лісце лещело у ройох ношене з витром. Вон уцагнул шию до капута и понаглял швидким рочайом.

Кед бул недалеко од општини, обачел же ше людзе збегую до улічки. Бежали и кричали, та побегнул и вон. Прецискал ше през круг людзох и обачел страшну слику. Меланка, дзивчатко з трецей класи, станула на потаргани електрични дрот. Якимшик чудом ище ше тримала на ногах, але ей твар збелавела, а вищирени очи глядали помоц. Ламала з руками през воздух як да ше сце одняц сили котра ю хвацела, але не могла.

— Ратуйце, людзе!... Цо стоїце! — врещала една жена, але шицки заслупнуто стали зос страхом у очох.

Хвилька лем була нужна Петрови же би зрозумел ситуацію. Запрепасцени круг людзох ище анї не кліпнул, а вон уж зос своїм длугоким шалом прискочел гу Меланки. Заруцел шал же би Меланку з нїм облапел коло пасу, але му ше удало облапиц ю лем коло дзвигнутей руки и глави. Сциснул шал з обидвома руками и порвал. Меланка спадла, а вон цагал догод ше ей ноги не одвоели од покрученого дроту. Вец з руками прилапел ей полумертве цело и одцагнул го далей од страшней шмерци.

Заслупнути людзе нараз ожили. Прибегли гу нїм и обидвойо их дзвигли на руки. Єден баюсати дїдо хватал Петра людзом зоз руках и, кед го дорвал, почал го бочкац, а Петро ледво дошол до слова:

— Нешце ю до дохтора! Треба ей вештачке дихане!

Кед то дїдо чул, так незгодне спушел Петра з руках же ше Петро нашол на жеми у праху. Громада людзох ведно зоз дїдом и з Меланку на руках уж бежала доволуюци ище з далеки дохтора.

Петро ше отрепэл од праху и зачудовано патрел за нїма. Шицко ше так швидко збуло же вон тераз не могол похопиц же и сам у шицким участвовав. Обвил себе шал коло шиї и попонаглял да не завру дутян.

Ютредзень, после малих поправкох и преправкох, конечно преробел и його мотор, але бул ище щешлівши кед чул же Меланка прездрави.

Од того дня мено Волта шицки вигверяли з почитованьом.

РАДОСЦ

— Правим тротинет! — гварел єдного дня радосни Яни, школяр штвартей класи, своєй мацери.

— Яки тротинет? — питала ше зачудовано мац.

— Красни, прави тротинет. Наставнік ми указал як ше то роби. Знаш, мамо, ми у школи маме роботню, а у ней можеш справиц цо лем зажадаш. Ни-а, увидзиш мой тротинет о даскельо дні.

— Знам, сину, але тротинет муши правиц майстор. Як то ти зробиш?

— Е, а як гевти зос седмей класи. Можем и я. Мушим лем однесц деску и увидзиш.

— А допуци ци наставнік да ти то правиш?

— А чом же би не. Як старшим допуци. Правя вони вшелїячину — и лампи на стол, и карсцелїки и... ни-а, опатри, колеса правя. Принєс сом єдно да ци го баш укажем.

— Яй, Яни, га ти го вжал през питаня, сигурно!

— Баш сом ше пигал. Гевтот вельки Петро гвари: „То шкарт“, а я му гварим: „Дай го мне“, и вон ми дал. Будзе воно добре за мой тротинет. Ти ми пополадню купиш гуми за колеса, а я идзем до шопи найсц дески. Порихтай ми швидко полудзенок, бо пополадню идзем робиц.

Пред вечаром, кед ше Яни врацел зос школскей роботні, мац ше питала:

— Як напредує робота, Яни?

— Одлично. Уж сом випилєл два дески за мою ладю. Ма буц права „Квин Мери“!

— Яка ладя? Ти гварел же правиш тротинет!

— Га я сцел, але ми Петро гвари: „Ти не рапух да шкинташ на тротинету. Направ ти ладю“! А кед добре

роздумам — ма право. Будзе то права ладя з моторм з гуми. Указал ми Петро у кніжки як то випатра. Ютре ми купиш гуми за мотор. Агей, мамо?

— Лем ти справ ладю, та пойдземе ведно купиц гуми, бо я не знам яки треба.

О даскельо дні Яни пришол зос школи, а твар му ше бліщи од задовольства.

— Мамо, гибай да видиши!

— Озда уж готова ладя? — питала ше несподзівано, бо видзела же у торбички окрем кніжки ище цошка вельке.

— Але яка ладя? Нач ми ладя, поведз и сама. Да ше стараш чи сом ше змачкал або задавел у бари кед ю пойдзем пуцац. И з ладю ше можем бавиц лем влече. Направел я цошка красше, патри!

Винял зос торбички красни мали коч. Ма и колеска, и дручок, хибя ище лем коні та да коч пишно почне вигравац по столе.

— Але, Яни, то справди ти направел? — Чудуе ше мац, а кочик ше ей пачи. — Га ти прави майстор!

— То ище не шипко, — швици ше од задовольства Яни — патри ти тото! — и виніма зоз торбички терховни авто. — Патри, аж сом и шофера нарисовал? А патри шветла — офарбени ягод да справди швица.

— Яни, Яни, нігда бим не поведла же ти знаш таке дацо направиц. Га то наисце красне! — щиро гвари одушевена мац.

— Ютре буду ище красши и коч и авто. Ошмирглам их и офарбим, та вец увидиши!

Презадовольни Яни охабя свойо рукотворини до орманчика, а попри тому виношу мацери свойо плани:

— Оправим ци и пейглу и решо кед ше погубя. Указал ми наставнік як ше то роби.

О ПИСАТЕЛЪОВИ И КНІЖКИ

Автор кнїжки „Крочаї“, першого зборнїка оригинальних приповедкох за дзеци, Микола М. Кочиш, професор з Нового Саду, родзени у Дюрдьове, 1-го децембра 1928 року, у худобней селянскей фамелиї. Перши шейси роки дзединства препровадзел у Дюрдьове, а вец му родичи преходза бивац до Нового Саду, бо чежко виходзели на конец у валале зос шесцери-ма дзеци.

У новим штредку и дацо вименетих животних условийох у варошу закончуе основну школу и штири класи гимназиї. З приходзеньом окупатора, гоч яку мал вельку жажду за науку, вименюю ше и його животни условия так же не ма можливосци исц далей до школи. Одходзи на виучоване прецизномеханичарского ремесла.

Жажда за школу и науку сполнела ше му аж по ошлебодзеню кед 1945 року закончуе V и VI класу гимназиї, и вец же би по скорей стауул на свойо власни ноги, преходзи до III класи учительскей школи у Зомборе дзе дипломирал 1947 року.

Як учитель перше роби у Бачинцох, вец Кукуевцох, Бачким Добрим Полю, Коцуре и Руским Керестуре. У тим чаше находзи ше и на длужносци главного редактора „Пионерскей заградки“ аж по одходзеню до Нового Саду септембра 1954 року. Ту ше уписуе до Висшей педагожкей школи на групу сербскогорватски и велькоруски язык. По законченю роби як наставник у Руменки, Сричских Карловцох и тераз у Оглядней школи „Жарко Зренянин“ у Новим Садзе. У тим чаше студира позарядово на филозофским факултету дзе дипломирал априла мешаца 1963 року на групи сербскогорватски и велькоруски язык.

* * *

Автор нашей першей кнїжки приповедкох за дзеци Микола М. Кочиш спада до шору наших найплодотворнейших и найталантливших младих повойнових писателюх. Полью його литерарней творчосци уж потераз досц широке и всестране. Зявел ше перше з поезию 1948 року (перша писня „Над гробом вояка“ була му друкована у Руским народним календаре за 1948 рок, стр. 101—102). Од того часу друкуе писнї и по наших других виданюх, але уж 1951 року преходзи и на прозу (перша приповедка „Широта“ друкована „Руске слово“ септембер 1951).

Потераз на нашим языку найчастейше пише за дзеци и о дзецех, як писні тиж так и приповедки. Окрем на нашим языку автор ше зявюе зос своїма писнями и приповедками за дзеци и на сербскогорватским языку. Од 1952 до 1960 року у новосадским „Дневнику“ ма друковано 20 писні и 5 приповедки. И попри тим же непрерывно у тим чаше учи, вон заш лем находзи часу и на сотрудничоване у наших видавбох, а окрем того дал успишни преклади з обласци дзецинскей кніжовносни („Тидвик — добродушни елень“ и „Мині“ од Владимира Назора).

Таке потерашне авторово оентоване на пољу литерарней творчосци за нас и похопліве и розумліве, бо вон источасно познати и як прикладни просвитни и педагожки роботнік, добри познаватель психолоґиї дзецка и на валале и на варошу. Тото шицко барз добре похасновал у своїх приповедкох котри облапени у кніжки „Крочаї“.

Як видзиме, авторова перша кніжка „Крочаї“ облапела 29 приповедки, спомедзи котрих една часц уж були друковани. Ту их писатель пошоровал срам змиста, до штирох обласцох: Дні чежки и славни, Красне дзецинство — босе и обуте, Дзеци у косидби и Будучносц припада тим цо знаю. Писатель не ишол за тим же би посцигнул даяку срозмиру медзи тима обласцами, але дал одну цалосц розвоя дзецинскей психи од предшколского росту та по легінство и дзивоцтво.

Наша радосц, з нагоди виходзєня першей кніжки приповедкох за дзеци од Миколи М. Кочиша, з тим векша же то нашо найвисше уметніцке посцигнуце потераз у дзецинскей прози. Требало чекац вельо роки, же би ше аж у услонийох нашей шлєбдней културней творчосци, у нашим братским югославянским социялистичким отечестве, зявел литерарни твор за дзеци, а и старших, правдивого уметніцкого уровня як цо то приповедки за дзеци „Крочаї“ од Миколи М. Кочиша.

Дюра Варґа

З М И С Т

	Страна
Младому читачельови	7
ДНІ ЧЕЖКИ И СЛАВНИ	
Перша Миколова задача	11
Бачи Яяко и мой оец	21
Коло огня	27
Стара ягода	31
Широта	35
КРАСНЕ ДЗЕЦИНСТВО, БОСЕ И ОБУТЕ	
Класна заедніца „Товариштво“	41
Польске квице	47
Владково ципели	49
Чудни складач стишкох	53
Бул сом наймладши брат	59
Велька програма у сушедовим дворе	63
Шмели	68
Мижо скапал	74
Гомбичка	78
Цезар	81
Владко ше веже на гощину	89
ДЗЕЦИ У КОСИДБИ	
Летни вечар	97
При коліски	99
Свадзба	101
Варошски хлеб	103
Писма полни щирих жаданьох	105
Сигурна охрана	107
Огньогасни авто	109
БУДУЧНОСЦ ПРИПАДА ТИМ ЦО ЗНАЮ	
Дідо, Мижо и техника	113
Меланково канджурки	117
У рнту	121
Владко вше виновати	126
Длугоки Волтов шал	129
Радосц	131
О писательови и кнїжки	133

МИКОЛА М. КОЧИШ: К Р О Ч А Ї — приповедки за дзеци. — ДЮРА
ВАРГА: редактор. — ЙОВГЕН ЧАКАН: коректор. — Тираж 1200 прикладніки.
— Обсяг 8¹/₂ табаки. — Друковане закончене мая 1963 року у друкарні
Новинского предприятия „Руске слово“ у Руским Керестуре.